

ЕЛЕНА КОПС

КОНТРАКТ НА ОДЕРЖИМОСТЬ

ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

Елена Копс

Контракт на одержимость

<https://litres.ru/74141069>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Москва-Сити эмоции — лишь статистическая погрешность. Максим Красин, безжалостный хищник венчурного бизнеса, привык уничтожать чужие империи за сорок минут. Но когда на его поле выходит Катерина — блестящий кризис-менеджер и дочь его поверженного конкурента, — безупречный калькулятор в его голове дает сбой.

Катя жаждет мести и готова разрушить его компанию изнутри. Однако дьявол в идеальном костюме-тройке разгадывает её план.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	15
Глава 2	35
Глава 3	47
Глава 4	58
Глава 5	71
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елена Копс

Контракт на одержимость

ПРОЛОГ

Максим

Говорят, на сорок пятом этаже воздух чище. Врут, конечно. Здесь просто отчетливее пахнет чужими деньгами, изысканным лицемерием и моим собственным, тщательно возвращенным экзистенциальным кризисом.

Я прижал ладонь к панорамному стеклу. За ним простирался ночной Сити - колоссальная, фосфоресцирующая кремниевая плата, пульсирующая миллионами неоновых капилляров. Стекло было ледяным, почти обжигающим в своей стерильной отрешенности. Полная противоположность тому, что горело у меня под ребрами. Там, глубоко за безупречно скроенным жилетом, ворочалась старая, сытая, но все еще ядовитая ярость. Она требовала крови, но в двадцать первом веке кровь заменяют подписи на гербовой бумаге. Более чистоплотно. Менее романтично, зато чертовски эффективно.

Я отнял руку. На стекле остался быстро тающий след от ладони - эфемерное доказательство того, что в этом кабинете из мрамора и хрома все еще находится живое существо, а не

механический пресс для поглощения чужих активов.

- Поздравляю, Максим Эдуардович, - негромко произнес мой внутренний голос, сочащийся той самой мрачной иронией, за которую мой психотерапевт берет триста долларов в час и которую сам я считаю единственным признаком здорового рассудка. - Ты официально стал тем самым парнем из бульварных романов, которого читательницы мечтают кастрировать в первой главе и усыновить в последней. Злодей приехал. Занавес.

Я повернулся к массивному столу из мореного дуба. На нем, под мягким, сфокусированным светом дизайнерской лампы, лежала папка из черной матовой кожи. Финальный аккорд. Документы по завершению принудительного поглощения холдинга «Zaytsev Publishing».

Рядом стоял наполовину опустошенный бокал двадцатипятилетнего макаллана. Запах дорогого алкоголя - торфяной, тяжелый, с отчетливыми нотами дубовой бочки и едва уловимым шлейфом сожженных мостов - смешивался с ароматом дорогой кожи и свежей типографской краски. Этот запах был моим личным сортом наркотика. Так пахла победа. Или капитуляция врага, что в моей системе координат означало одно и то же.

Я сел в кресло, чувствуя, как текстура дорогой шерсти брюк приятно натягивается на бедрах. Взял перьевую ручку Montblanc - подарок одного из тех конкурентов, которых я пустил по миру три года назад. Забавная штука - корпора-

тивная вежливость. Тебе дарят ручку, чтобы ты удобнее подписывал им смертный приговор.

Мой взгляд упал на последнюю страницу договора. Свободное поле для моей подписи. А чуть выше - дрожащий, ломаный росчерк старого Игоря Зайцева. Мужчина подписывал его, находясь в палате интенсивной терапии, за несколько часов до того, как его разбил обширный инсульт. Мои юристы сработали ювелирно. Они принесли ему документы прямо к больничной койке, заверяя, что это «единственный способ минимизировать убытки для семьи».

Экзекуция, замаскированная под благотворительность. Мой любимый метод.

Я коротко, зло усмехнулся, глядя на эту жалкую, сползающую вниз линию его подписи. Десять лет. Десять долгих, сука, лет я ждал этого момента. Я выстраивал Krasin Capital кирпичик за кирпичиком, выжигал конкурентов, заводил связи, не спал неделями, превращая свою жизнь в сухой, безэмоциональный алгоритм, ради одной цели — увидеть, как империя Зайцева рухнет к моим ногам.

Я хотел, чтобы он почувствовал то же самое, что чувствовала моя семья, когда его издательский танк переехал наш маленький бизнес, оставив моего отца с долгами и петлей на шее, а младшую сестру...

Воспоминание полоснуло по нервам с такой силой, что пальцы, держащие ручку, побелели. Картинка из прошлого возникла перед глазами с пугающей, кинематографичной

четкостью: серый, нескончаемый дождь, дешевый пластиковый гроб, который казался слишком большим для её хрупкого, истощенного тела, и лицо матери, постаревшей за одну неделю на двадцать лет. Зайцев тогда даже не прислал соболезнований. Зачем? Муравьи не заслуживают писем от слонов.

Что ж, слон постарел, разжирел и застрял в канаве. А муравей превратился в термита, который сожрал его дом изнутри.

Я опустил перо на бумагу. Чернила легли безупречно - гладкая, черная, хищная дуга, ставящая точку в истории «Zaytsev Publishing». Теперь это моя собственность. До последнего квадратного метра их пафосного офиса на Новом Арбате. До последней типографской машины.

Клик. Колпачок ручки встал на место с сухим, окончательным звуком. По идее, в этот момент по венам должен был разлиться чистый, концентрированный эндорфин. Триумф. Фейерверки в голове. Но вместо этого я почувствовал лишь странную, гулкую пустоту. словно я поднялся на вершину горы, к которой полз на коленях через битое стекло, а там нет ничего, кроме разреженного воздуха и замерзшего мусора.

- И ради этого ты отказался от личной жизни, нормально-го сна и углеводов после шести вечера, Красин? - пробормотал я, откидываясь на спинку кресла и делая большой глоток виски. Обжигающая жидкость привычно покатила по пи-

щеводу, но не смогла растопить холод внутри. - Bravo. Ты победил старика, который теперь даже не помнит своего имени из-за тромба в мозгу. Великое достижение для тридцатичетырехлетнего альфа-самца с годовым оборотом в три миллиарда.

Я закрыл глаза, но тут же открыл их, потому что пустота не любила оставаться наедине со мной. Мой взгляд переместился на левую сторону стола, где лежала еще одна папка. Тонкая, без официальных логотипов. Информационная справка от моей службы безопасности, доставленная час назад.

Я потянулся к ней, и мои пальцы коснулись шероховатого картона. Медленно, словно смакуя запретное удовольствие, я открыл её.

С первой страницы на меня смотрело лицо, которое за последние две недели снилось мне чаще, чем котировки акций на открытии Нью-Йоркской биржи.

Катерина Зайцева.

Его дочь. Его гордость. Его единственный выживший и дееспособный наследник.

Фотография была неофициальной - кадр с какого-то экономического форума в Лондоне, сделанный папарацци. Катерина шла по дождливой улице, полуобернувшись к камере. На ней было строгое кашемировое пальто цвета карамель, воротник поднят, защищая шею от ветра. Темные, густые волосы слегка растрепались, несколько прядей прилипли к

бледной, почти фарфоровой коже щеки.

Но главное - её глаза. Огромные, темно-карие, почти черные в полумраке кадра. В них не было той ленивой, сытой уверенности, которая обычно отличает детей миллиардеров. В них горел острый, колючий, чертовски опасный интеллект. И ярость. Такая же чистая и неразбавленная, как моя собственная.

Я медленно провел подушечкой большого пальца по стеклянному покрытию фотографии, словно мог через глянец почувствовать текстуру её кожи. Контраст между её хрупким силуэтом и этим ледяным, обещающим войну взглядом вызывал внизу живота странное, тянущее, почти болезненное напряжение. Это было не просто физическое влечение. Это был охотничий инстинкт, помноженный на темный, извращенный магнетизм.

Я перевернул страницу. Резюме. Сухие строчки, за которыми скрывался характер безжалостного кризис-менеджера.

Оксфорд. Магистратура по направлению «Стратегический менеджмент». Два года в консалтинговом гиганте в Сити. Три успешно выведенных из пике технологических стартапа. Специализация: жесткая реструктуризация, урезание костов, агрессивная защита от недружественных поглощений.

Она вернулась в страну месяц назад, когда поняла, что её отец теряет контроль над компанией. Она пыталась спасти тонущий корабль, но было слишком поздно - я уже перерезал

якорные канаты.

Мой начальник службы безопасности, бывший полковник ФСБ с лицом, похожим на бульдога, оставил на полях короткую приписку карандашом:

«Три дня назад объект подала резюме на вакансию ведущего кризис-менеджера в головной офис Crasin Capital под девичьей фамилией матери— Воронцова. Документы прошли первичный фильтр HR. Рекомендации безупречны, подлинность дипломов подтверждена».

Я отложил папку и тихо, хрипло рассмеялась. Смех отразился от пустых стен кабинета, показавшись мне чужим.

- Катя, Катя... - прошептал я, глядя в потолок. - Ну какая же ты предсказуемая. И какая отчаянно, великолепно глупая.

Она шла прямо в пасть к волку. Она думала, что сможет внедриться в мою компанию, найти уязвимости, раскопать компромат на Crasin Capital и использовать его, чтобы оспорить сделку по поглощению или уничтожить меня изнутри. Она планировала месть. Красивую, интеллектуальную, корпоративную месть. Она видела во мне цель, шахматную фигуру, которую нужно сбить с доски.

Она не понимала одной простой вещи. Я не играю в шахматы. Я владею доской. И всеми фигурами на ней. И тем более - теми, кто садится напротив.

Мысль о том, что она будет ходить по моим коридорам, дышать со мной одним воздухом, подчиняться моим прика-

зам на глазах у всех, а ночью возвращаться в свое одиночество и ненавидеть меня до дрожи в коленях, вызвала во мне вспышку такой острой, концентрированной одержимости, что у меня перехватило дыхание.

Это было неправильно. Это было токсично, опасно и нарушало все правила ведения бизнеса, которые я сам же и написал. Профессионалы не спят с врагами. Профессионалы не впускают объект мести в свой ближний круг.

Но, глядя на её фотографию, я понял, что мне плевать на правила. Мне стало скучно быть просто успешным бизнесменом. Мне хотелось посмотреть, как этот оксфордский фарфор разлетится на осколки под моим давлением. И как я сам буду собирать эти осколки, режа собственные ладони до крови.

Я снова взял телефон и набрал короткий номер главы HR-департамента. Время на экране показывало два часа ночи, но в моей компании люди знали: если звонит Красин, нужно отвечать на первом гудке, даже если ты лежишь в гробу.

- Да, Максим Эдуардович, - сонный, но мгновенно мобилизованный голос Аллы раздался из динамика.

- Кандидатка на должность ведущего кризис-менеджера. Екатерина Воронцова. Завтра утром утвердите её кандидатуру без финального собеседования. Оформляйте в штат с испытательным сроком.

В трубке повисла короткая пауза. Алла была слишком умна, чтобы задавать лишние вопросы, но слишком опытна,

чтобы не заметить странности.

- Но... Максим Эдуардович, у нас по регламенту финальный этап проходит с вашим участием. К тому же, её профиль... она слишком квалифицирована для этой позиции. Вас это не смущает?

- Меня ничего не смущает, Алла. Оформляйте её. Направьте её в проектную группу по реструктуризации активов «Zaytsev Publishing». Пусть разгребает завалы своего... то есть, нашего нового приобретения.

- Поняла. Будет сделано. Что-то еще?

- Да. Её рабочее место должно быть на моем этаже. В кабинете с прозрачными стенами. Прямо напротив моего обзора.

- Будет исполнено. Доброй ночи.

Я сбросил вызов.

Теперь игра стала по-настоящему интересной. Катерина думает, что она - охотник, пробравшийся на мою территорию с заряженным ружьем. Она не знает, что я сам открыл для неё ворота, отключил сигнализацию и расставил капканы, присыпанные лепестками роз и обещаниями финансового рая.

Я подошел к сейфу, встроенному в стену за картиной концептуального художника (какое-то кроваво-красное месиво на черном фоне, идеально отражающее мое душевное состояние), и достал оттуда еще один документ. Текст этого соглашения я набросал сам, от руки, на прошлой неделе, когда

только узнал о её планах. Это был контракт, у которого не было аналогов в юридической практике. Контракт, который не защищал ничьи права, кроме моих капризов.

Соглашение о конфиденциальном партнерстве.
Один год. Триста шестьдесят пять дней. Она будет жить в моем пентхаусе. Она будет сопровождать меня на всех закрытых приемах. Она будет принадлежать мне — ментально, профессионально, физически. Взамен она получит то, ради чего готова продать душу — контрольный пакет акций отцовской империи обратно. Контрольный пакет, который я сделаю безупречно прибыльным за этот год её руками.

Я предлагал ей сделку, от которой её гордость должна была задохнуться, но от которой её интеллект не имел права отказаться. Это был капкан с алмазной огранкой.

Я вернулся к окну. Ночной Сити продолжал гореть, равнодушный к маленьким человеческим драмам, разыгрывающимся на его вершинах.

Я прислонился лбом к холодному панорамному стеклу, чувствуя, как внутри, вопреки всему моему цинизму, начинает бешено, ритмично стучать сердце. Пульс ускорился, словно перед прыжком с парашютом без страховки.

- Ну давай, Катя, — тихо прошептал я, и мое дыхание оставило легкое облачко пара на стекле, за секунду скрыв от меня огни города. - Приходи уничтожить меня. Я жду тебя. Посмотрим, кто из нас первый сгорит в этой чертовой войне.

Я сделал последний глоток виски, чувствуя, как вкус тор-

фа и дыма оседает на языке, словно пепел от будущих разрушений. Мой холодный расчет был безупречен. Моя стратегия была идеальной.

Я просто еще не знал, что в этой стратегии не было учтено главное.

Глава 1

Катерина

Звук, который преследует меня последние трое суток, не имеет ничего общего с музыкой. Это монотонный, бездушный писк медицинского монитора. Пип. Пип. Пип. Ровный интервал, отмеряющий то, что осталось от жизни моего отца. Каждые две секунды - подтверждение того, что Игорь Зайцев, человек, который мог одним телефонным звонком поднять на ноги министра или обрушить акции конкурирующего холдинга, теперь полностью зависит от пластиковой трубки, качающей кислород в его безвольные легкие.

Стены палаты в частной клинике имели тот особый оттенок стерильной белизны, который в подсознании навсегда связывается со смертью и глухим, липким отчаянием. Пахло озоном, хлорированными антисептиками и тем едва уловимым, страшным запахом угасающего человеческого тела, который не способен замаскировать ни один самый дорогой освежитель воздуха.

Я сидела на жестком пластиковом стуле у его кровати, сжав ладони так сильно, что ногти врезались в кожу до багровых полумесяцев. Мой отец выглядел чужим. Словно из него вынули внутренний каркас, который держал его прямо все эти годы. Лицо перекошено вправо - страшный след обширного ишемического инсульта, - правая рука лежит на бе-

лой простыне серой, безжизненной плетью.

- Посмотри на него, Катя, - тихо произнес мой внутренний голос, поддевая изнутри самую темную, самую уродливую часть моей души. - Это все, что осталось от твоей крепости. Твой личный бог оказался смертным. И его только что распяли на глазах у всего Сити.

Я потянулась вперед и накрыла его левую, еще теплую ладонь своей. Кожа отца казалась пергаментной, сухой и пугающе тонкой.

— Папа, — шепнула я, но горло перехватило судорогой. Звук получился жалким, надтреснутым. Я ненавидела себя за эту слабость. Нас в семье не учили плакать. Нас учили анализировать риски и атаковать первыми.

Все случилось сорок восемь часов назад. Телефонный звонок из офиса застал меня в Лондоне, в моей съемной квартире в Челси, когда я упаковывала чемоданы, собираясь вернуться в Москву насовсем. Я помню каждую секунду того разговора. Панический, задыхающийся голос секретарши отца: «Катерина Игоревна... Игорь Владимирович... Скорая... Прямо на совете директоров... «Crasin Capital» заблокировали все счета...»

Максим Красин. Человек, чье имя за последние полгода стало для нашей семьи синонимом апокалипсиса.

Он появился на рынке как из ниоткуда — хищник новой формации, циничный венчурный инвестор с репутацией палача для стареющих корпоративных гигантов. Его метод на-

зывают «хирургическим поглощением». Он находит компанию с вековой историей, нащупывает временную уязвимость в ликвидности, скупает долги, устраивает контролируемый хаос в прессе и вуаля - некогда великая империя падает в его холеные, безжалостные руки за бесценок.

С «Zaytsev Publishing» он проделал это с пугающей, почти извращенной грацией. Мой отец до последнего верил, что сможет переиграть этого выскочку. Он заложил контрольный пакет акций под кредит в банке, который, как выяснилось слишком поздно, уже три месяца тайно принадлежал структурам Красина.

Когда ловушка захлопнулась, Красин просто потребовал немедленного возврата долга. На совете директоров в тот роковой вторник он лично предъявил ультиматум. Отец не выдержал. Его сердце, изношенное тридцатью годами непрерывной бизнес-войны, сдалось. Мозг отключился в тот момент, когда Красин, по рассказам очевидцев, даже не подняв тона, произнес: «Ваше время истекло, Игорь Владимирович. Освободите кабинет к четвергу».

- Чистая работа, - прошептала я в пустоту палаты, чувствуя, как внутри меня, прямо под ребрами, начинает закипать что-то тяжелое, горячее и смертоносное. Это была не просто скорбь. Это был гнев. Острый, как бритва, первобытный гнев, который полностью вытеснил страх. - Юридически безупречное убийство.

Я встала со стула, подошла к окну и прижалась лбом к

холодному стеклу. На улице шел мелкий, занудный октябрьский дождь. Москва внизу казалась размытой, серой, унылой.

Юристы, к которым я успела обратиться сразу после прилета, лишь разводили руками. «Катерина Игоревна, всё законно. Красин сыграл по правилам рынка. Жестко? Да. Аморально? Возможно. Но судиться здесь не о чем. Вы потеряете последние деньги на адвокатах».

Значит, законные методы отпадают. Что ж, это даже упрощает задачу. Если правила рынка позволяют уничтожить людей, значит, эти же правила позволят мне уничтожить Максима Красина.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. В свои двадцать шесть лет я выглядела как бледная тень той Катерины Зайцевой, которая еще неделю назад защищала блестящие кейсы в Оксфорде и получала предложения от ведущих консалтинговых агентств Европы. Темные круги под глазами, густые каштановые волосы, стянутые в небрежный узел на затылке, строгий черный блейзер, который казался слишком большим для моего похудевшего за эти дни тела.

Но в моих глазах, темно-карих, почти черных в этом освещении, не было покорности. Там горел холодный, расчетливый огонь.

- Ты думал, что забрал всё, Красин? - тихо обратилась я к невидимому сопернику. - Ты забрал стены, печатные станки, бренд. Но ты забыл про меня. Ты оставил на доске фигуру,

которую не просчитал твой хваленый аналитический отдел.

План созрел в моей голове вчера в три часа ночи, когда я сидела на кухне нашей опустевшей квартиры, глуша вторую чашку черного кофе без сахара. Классическая месть - подать в суд, нанять киллера, увлечься компроматом в прессе - это глупо, неэффективно и слишком быстро. Красин слишком умен, его служба безопасности учует угрозу за милю.

Чтобы уничтожить систему, нужно стать её частью. Нужно проникнуть внутрь, найти несущую стену и заложить динамит под самый фундамент.

Благодаря отцу, который до безумия боялся, что его конкуренты используют меня как рычаг давления, я никогда не фигурировала в официальных отчетах «Zaytsev Publishing». Мое имя не светило на светских раутах Сити. Я училась за границей под девичьей фамилией матери - Воронцова. Для всего делового мира Катерина Зайцева была мифическим персонажем, который живет где-то в Европе и не имеет никакого отношения к бизнесу отца.

Это был мой главный козырь. Мой троянский конь.

Я вернулась к креслу, взяла свою сумку и достала оттуда планшет. Открыла файл с резюме. На экране светилась безупречная, вылизанная биография вымышленной, но пугающе реальной Екатерины Воронцовой.

Образование: Oxford Said Business School, степень MBA по направлению «Антикризисное управление и реструктуризация активов». Опыт работы: два года в лондонском офи-

се McKinsey & Company. Успешный кейс по выводу из банкротства крупного ритейлера в Восточной Европе. Личные качества: стрессоустойчивость, аналитический склад ума, готовность к работе в условиях жесткого тайм-менеджмента.

Каждая строчка здесь была чистой правдой, за исключением одного - моей мотивации. Я нанималась в «Crasin Capital» не ради карьеры. И не ради семизначной зарплаты, которую они предлагали на вакансию ведущего кризис-менеджера.

Я нанималась туда, чтобы найти гниль в империи Максима Красина. И если её там нет - я создам её сама.

Пип. Пип. Пип. Монитор продолжал свой монотонный отсчет.

Я наклонилась к отцу, коснулась губами его холодного, влажного от пота лба.

- Я верну всё, папа, — прошептала я ему на ухо, чувствуя, как внутри меня окончательно замерзает последняя капля тепла. - Обещаю тебе. Он заплатит за каждую секунду этого писка. Он вернет всё до копейки, а потом я посмотрю, как он будет просить у меня пощады.

Я выпрямилась, поправила лацканы своего жакета и решительным шагом вышла из палаты, ни разу не обернувшись.

Спустя четырнадцать часов я стояла в огромном, залитом светом стеклянном холле небоскреба «Crasin Capital» в Москва-Сити.

Архитектура здания словно кричала о доминантности его владельца. Огромные, уходящие в бесконечность потолки, полированный серый гранит под ногами, в котором отражались редкие, футуристические светильники, и бесконечные потоки людей в идеально подогнанных костюмах, снующих туда-сюда с зажатыми в руках планшетами и стаканами из Starbucks. Это был муравейник, но муравейник высокотехнологичный, где у каждого муравья был диплом Гарварда или МФТИ, а вместо матки - жестокий, невидимый тиран на сорок пятом этаже.

Я подошла к стойке ресепшн. За ней сидели две девушки модельной внешности с одинаковыми, профессионально-безжизненными улыбками.

- Добрый день. Екатерина Воронцова. У меня назначен финальный этап собеседования в департамент антикризисного управления на одиннадцать утра, - произнесла я. Мой голос звучал на удивление ровно, без единой вибрации. Хвала оксфордским курсам публичных выступлений - я умела превращать внутреннюю панику в ледяную уверенность.

Одна из девушек быстро застучала по клавиатуре, её идеальный французский маникюр издавал сухой, раздражающий треск.

- Да, Екатерина Алексеевна, вы есть в списке. Сорок второй этаж, переговорная «Альфа». Ваш пропуск. Приложите к турникету Б.

- Спасибо, - я взяла пластиковую карту. Она была холод-

ной.

Когда я проходила через турникет, мне показалось, что я переступаю черту, за которой обратного пути уже нет. Если Красин или его ищейки раскопают мою настоящую фамилию хотя бы через неделю - мне конец. В лучшем случае меня с позором вышвырнут, разрушив любую возможность устроиться в приличную компанию в этой стране. В худшем... о методах Красина ходили разные слухи. Он умел уничтожать людей не только финансово.

Лифт поднял меня на сорок второй этаж за считанные секунды. Мои уши слегка заложило от перепада давления, а в желудке образовался тугой, холодный узел.

Стеклянные двери раздвинулись, открывая вид на офисное пространство в стиле hi-tech. Минимализм, хром, дорогие кожаные кресла и панорамные окна, из которых открывался вид на другие башни Сити, утопающие в утреннем тумане.

Переговорная «Альфа» находилась в конце коридора. Это была круглая комната со стеклянными стенами, в центре которой стоял массивный стол из белого композита. За ним уже сидели три человека. Двое мужчин средних лет с уставшими лицами типичных топ-менеджеров и женщина постарше - строгая, с гладко зачесанными в пучок волосами и в очках в тонкой оправе. Алла Борисовна, глава HR-департамента. Её лицо я запомнила еще вчера, когда изучала структуру компании.

Я глубоко вздохнула, на секунду закрыла глаза, вызывая в памяти образ отца под капельницей - мою личную, неиссякаемую батарейку ярости - и толкнула дверь.

- Добрый день, коллеги, - я улыбнулась. Моя улыбка была безупречным продуктом корпоративной дрессировки: достаточно теплой, чтобы расположить к себе, но достаточно сдержанной, чтобы показать границы.

- Екатерина? Проходите, присаживайтесь, - Алла Борисовна сделала приглашающий жест рукой. Её голос был сухим, как осенняя листва. - Мы изучили ваше резюме и результаты предыдущих двух этапов тестирования. Должна сказать, ваши аналитические маркеры впечатляют. Но «Crasin Capital» - это не лондонский консалтинг. Здесь другие скорости и гораздо более высокая цена ошибки.

Я села в удобное кожаное кресло, положив руки на стол перед собой. Пальцы не дрожали.

- Я прекрасно это понимаю, Алла Борисовна, - спокойно ответила я, глядя ей прямо в глаза. - В McKinsey я вела проекты с долговой нагрузкой более полумиллиарда фунтов. Скорость принятия решений там измерялась часами, а не неделями. Я привыкла работать под давлением. Более того, я считаю, что именно в условиях кризиса бизнес показывает свое истинное лицо.

Один из мужчин, сидевший слева - судя по табличке, Артур, глава аналитического отдела, - скептически усмехнулся, крутя в руках дорогую ручку.

- Красивые слова, Екатерина. Но давайте ближе к практике. Предположим, у нас есть актив - крупное издательство, которое мы только что приобрели. - У меня внутри всё сжалось, но лицо не дрогнуло ни на один миллиметр. - Долги колоссальные, логистика разрушена, авторы бегут к конкурентам, а старый менеджмент саботирует любые изменения. Ваши первые три шага?

Они проверяли меня на моем собственном трупе. Они хотели, чтобы я рассказала, как эффективнее расчленить компанию моего отца.

Внутренний пинг-понг начался. Это был интеллектуальный бой, где любое неверное слово могло выдать мою личную заинтересованность или показать некомпетентность.

- Первое - жесткий аудит всех текущих обязательств и немедленная заморозка выплат по второстепенным контрактам, - мой голос зазвучал жестче, профессиональнее. Я говорила, как робот, отключая любые эмоции. - Второе - ликвидация неликвидных типографских мощностей и перевод печати на аутсорс. Старый менеджмент увольняется в полном составе в течение сорока восьми часов. На их место ставятся лояльные люди, мотивированные процентом от будущей прибыли. Третье - агрессивный ребрендинг. Бренд токсичен из-за скандала с бывшим владельцем. Нужно убрать его имя из названия холдинга. Полностью.

Артур приподнял бровь, явно удивленный такой кровожадностью со стороны хрупкой девушки.

- Радикально. А как быть с авторами? Топовые писатели - это лицо издательства. Если они уйдут, актив потеряет половину стоимости.

Я слегка наклонилась вперед, опершись локтями о стол. В этот момент во мне говорила не Катя Зайцева, а специалист, который три года препарировал чужие бизнесы.

- Авторы - это творческие люди, Артур. Им нужны две вещи: эго и регулярные роялти. Мы увеличиваем авансы трем ключевым писателям за счет сокращения штата среднего звена. Остальных - тех, кто приносит меньше двадцати процентов прибыли, - отпускаем без сожаления. Мы оптимизируем портфель. Нам нужен бизнес, а не благотворительный фонд для непризнанных гениев.

Алла Борисовна внимательно наблюдала за мной через свои очки. В её взгляде появилось нечто похожее на уважение - то самое холодное уважение, которое один хищник испытывает к другому.

- У вас циничный подход, Екатерина. Мне это нравится, - медленно произнесла она. - В нашей компании сентиментальность считается профнепригодностью. Максим Эдуардович всегда говорит, что бизнес - это чистая математика, в которой эмоции выполняют роль статистической погрешности.

При упоминании его имени у меня во рту появился горький привкус. Максим Эдуардович. Великий и ужасный.

- Ваш руководитель абсолютно прав, - я заставила себя

кивнуть, изображая искреннее согласие с догмами компании. - Эмоции мешают видеть цифры. А цифры никогда не врут.

Следующие сорок минут превратились в непрерывный перекрестный допрос. Они гоняли меня по макроэкономике, заставляли на ходу рассчитывать коэффициенты ликвидности, моделировать стресс-сценарии для вымышленных банков и решать кейсы по выводу капитала из оффшоров. Это была ментальная мясорубка, но я была к ней готова. Оксфорд дал мне не просто диплом, он дал мне броню. Я парировала их вопросы легко, с легким налетом иронии, как учили на дебатах, не позволяя загнать себя в тупик.

Когда допрос наконец прекратился, в переговорной повисла тишина. Артур едва заметно кивнул Алле Борисовне.

Глава HR откинулась на спинку кресла и закрыла папку с моим резюме.

- Что ж, Екатерина. Должна признать, вы лучший кандидат из всех, кого я видела на эту позицию за последний год. Ваши знания безупречны, а хладнокровие... хладнокровие делает вам честь.

Я сдержанно кивнула, не спеша праздновать победу.

- Однако, - продолжила Алла Борисовна, и у меня внутри всё замерло, - по нашему регламенту финальное решение по ведущим позициям принимает лично Максим Эдуардович. Обычно это формальность, но сегодня... сегодня утром планы изменились.

- Что вы имеете в виду? - спросила я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал как проявление естественного профессионального интереса, а не паники.

- Максим Эдуардович ознакомился с вашим профилем еще ночью, - Алла Борисовна как-то странно посмотрела на меня. В её взгляде проскользнуло удивление, смешанное с легким подозрением. - И он принял решение утвердить вас без личного собеседования. Вы приняты в штат, Екатерина Алексеевна. Испытательный срок - три месяца.

У меня в ушах зашумело. Принята? Без собеседования? Красин посмотрел мое резюме ночью и просто сказал «да»? Это было слишком легко. Слишком гладко для человека с его параноидальной репутацией.

В бизнесе, как и на войне, если враг открывает перед тобой ворота без боя, это значит только одно: ты уже заходишь на минное поле.

- Это... неожиданно, - медленно произнесла я, тщательно дозируя эмоции на лице. - Я польщена таким доверием со стороны господина Красин.

- Не обольщайтесь, - сухо отрезала Алла Борисовна. - Максим Эдуардович не доверяет никому. У него свои причины. Более того, он лично определил ваш первый проект. Вы направляетесь в проектную группу по реструктуризации активов холдинга «Zaytsev Publishing». Будете работать с тем самым кейсом, который мы только что обсуждали.

Это был удар под дых. Они бросали меня на растерзание

компании моего отца. Красин хотел, чтобы я своими руками уничтожила то, что Игорь Зайцев строил тридцать лет. Это было извращенное совпадение. Или...

Нет. Он не мог знать. Мои документы чисты, легенда безупречна. Это просто слепой жребий корпоративной машины.

- Отличный вызов, - я заставила свои губы растянуться в хищной улыбке. - С удовольствием займусь этим трупом.

- Рада это слышать, - Алла Борисовна встала, давая понять, что встреча окончена. - Оформление в отделе кадров займет пару часов. Ваше рабочее место уже готово. И... Екатерина?

- Да? - я тоже встала, закидывая ремень сумки на плечо.

- Максим Эдуардович перенес ваше рабочее место на сорок пятый этаж. В VIP-зону, прямо напротив его личного кабинета. Он хочет лично контролировать процесс реструктуризации этого актива. Так что... будьте готовы к тому, что вы всегда будете у него на виду. В буквальном смысле. Кабинет стеклянный.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилось с утроенной силой. На сорок пятом этаже. Прямо напротив него. Под его личным, непрерывным прицелом.

- Я не боюсь контроля, Алла Борисовна, - ответила я, чувствуя, как внутри меня ярость окончательно превращается в холодный, кристаллический расчет. - Мне нечего скрывать.

- Посмотрим, - загадочно обронила глава HR. - Добро по-

жаловать в «Crasin Capital», Екатерина. Надеюсь, вы задержитесь у нас дольше, чем ваши предшественники.

Спустя три часа я стояла в своем новом кабинете на сорок пятом этаже.

Это было небольшое, но роскошное пространство. Три стены из четырех были сделаны из чистейшего, абсолютно прозрачного звукоизоляционного стекла. Мой рабочий стол из темного стекла был пуст - на нем стоял лишь новейший моноблок iMac, тонкий матовый телефон и аккуратная стопка папок с логотипом «Zaytsev Publishing».

Но самое страшное было не это.

Прямо через узкий, покрытый дорогим ковролином коридор, находилась огромная двухстворчатая дверь из мореного дуба. Кабинет Максима Красина. И стена, разделяющая наши пространства, тоже была стеклянной.

Если я сидела за своим столом, я видела всё, что происходит в его приемной и части его кабинета, если жалюзи были открыты. И, что гораздо важнее, он видел меня. Каждое мое движение, каждый поворот головы, каждую эмоцию, которую я посмею пропустить на свое лицо. Это была не просто рабочая зона. Это был вольер. Прозрачная клетка, где я была подопытным кроликом под микроскопом у главного вивисектора этой компании.

Я подошла к стеклу и посмотрела на закрытую деревянную дверь его кабинета. Сейчас его там не было - секретарь сказала, что господин Красин на выездной встрече с инве-

сторонами и будет только к вечеру.

Я прижала ладонь к стеклянной стене, чувствуя её ледяную, безупречную гладкость. Контраст холода на коже и бушующего пожара внутри заставил меня вздрогнуть.

- Ты думаешь, что запер меня здесь, чтобы мне было сложнее дышать? - прошептала я, глядя на дубовую дверь. - Ты думаешь, что стеклянные стены защитят тебя от меня?

Я отошла от стекла, села в свое кресло и включила компьютер. Экран загорелся, требуя ввести пароль. Я ввела свою новую корпоративную фамилию: E.Vorontsova.

Перед глазами открылась внутренняя сеть «Crasin Capital». Тысячи гигабайт конфиденциальной информации, финансовых отчетов, аналитических записок. Моё личное оружие. Мой арсенал для будущей войны.

Я взяла верхнюю папку из стопки документов «Zaytsev Publishing». Открыла первую страницу. Там был балансый отчет за последний квартал, подписанный дрожащей рукой моего отца перед инсультом. На полях стояли резкие, циничные пометки синими чернилами, сделанные кем-то из аналитиков Красина: «Ликвидировать», «Продать как неликвид», «Уволить».

Мои пальцы сжали картон папки до хруста. Острое, почти физическое чувство несправедливости обожгло горло. Они делили шкуру еще живого льва. Они растаскивали по кускам жизнь человека, который был для меня всем.

Я закрыла глаза, сделала глубокий, медленный вдох, за-

ставляя свой пульс вернуться в норму. Гнев - плохой союзник в шахматах. Мне нужна холодная голова. Чистый, неразбавленный интеллект.

Я открыла первый рабочий файл на компьютере и погрузилась в цифры. Я выискивала несостыковки, проверяла цепочки транзакций, изучала структуру владения субхолдингов. Я работала так, словно от этого зависела моя жизнь. Впрочем, так оно и было.

Время летело незаметно. За панорамным окном Сити начало темнеть. Неоновые огни соседних небоскребов начали зажигаться один за другим, превращая город в ту самую кремниевую плату, о которой думал Красин прошлой ночью.

В коридоре послышались шаги. Несколько уверенных, резких ударов дорогих туфель по ковровину.

Я замерла, не поднимая головы от монитора, но все мои чувства обострились до предела. Каждый волосок на теле встал дыбом от внезапного, почти животного ощущения опасности. Магнетизм этого человека распространялся в пространстве, как радиация - невидимая, но смертоносная.

Двери его кабинета распахнулись.

Я медленно, очень медленно подняла взгляд.

Он шел в сопровождении двух помощников, которые на ходу что-то быстро говорили ему, протягивая бумаги. Максим Красин. Вживую он казался еще больше, еще опаснее, чем на фотографиях. Высокий, широкоплечий, с безупречной, хищной осанкой человека, который привык, что все во-

круг уступают ему дорогу. Его темно-серый костюм сидел на нем как влитой, подчеркивая сильное, тренированное тело. Темные волосы были идеально уложены, а резкие, словно высеченные из гранита черты лица не выражали абсолютно ничего, кроме ледяного спокойствия.

На секунду он остановился прямо посреди коридора. Помощники тут же замолчали, застыв на месте.

Красин медленно повернул голову в сторону моего кабинета.

Наши взгляды встретились через двойное стекло.

Его глаза были странного, стального оттенка - холодные, пронизательные, лишённые какого-либо тепла. Это был взгляд человека, который видит тебя насквозь, до самых костей, до самых потаенных, грязных мыслей. В этом взгляде не было удивления. Там было что-то другое. Какое-то мрачное, сытое удовлетворение паука, который обнаружил, что в его паутину наконец-то прилетела именно та муха, которую он ждал.

Я не отвела взгляд. Я заставила себя смотреть ему прямо в эти стальные глаза, сохраняя на лице выражение вежливого, холодного профессионализма. Мой подбородок был слегка приподнят, броня держалась крепко, хотя внутри меня всё кричало от дикого, первобытного желания сбежать от этого взгляда как можно дальше.

Этот безмолвный пинг-понг длился не больше пяти секунд. Пять секунд чистого, концентрированного психологи-

ческого напряжения, от которого воздух в моей стеклянной клетке, казалось, стал горячим и вязким.

Затем Красин едва заметно, почти призрачно усмехнулся одними уголками губ. Этот жест был настолько циничным и собственническим, что у меня по спине пробежал мороз. Он коротко кивнул своим помощникам и вошел в свой кабинет, закрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Жалюзи на его стеклянной стене остались открытыми.

Я откинулась на спинку кресла, чувствуя, как мои легкие наконец-то судорожно втягивают воздух. Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, пульс бил в виски тяжелыми, болезненными ударами.

- Он знает, - пронеслось у меня в голове пугающая, паническая мысль. - Боже мой, он что-то знает.

Но тут же мой аналитический ум включил защиту, разбивая панику вдребезги. Нет. Если бы он знал мою настоящую фамилию, меня бы здесь не было. Служба безопасности Красина не работает так. Он просто проверяет меня. Он проверяет на прочность нового кризис-менеджера, которого посадил под свой личный микроскоп. Он хочет сломать меня психологически еще до того, как я начну работать.

Я посмотрела на дубовую дверь его кабинета, за которой теперь горел мягкий свет.

- Ну уж нет, господин Красин, - тихо сказала я, беря в руки следующую папку с документами. Мои пальцы больше не дрожали. - Вы хотели войну на уничтожение? Вы её получи-

те. Я сыграю в вашу игру. Я буду идеальным сотрудником, вашей тенью, вашим лучшим инструментом. До тех пор, пока вы сами не вложите в мои руки нож, которым я перережу горло вашей драгоценной «Crasin Capital».

Первый раунд на чужом поле был окончен. Инфильтрация прошла успешно. Фигуры расставлены, партия началась. И я сделаю всё, чтобы этот контракт на одержимость мстью закончился моей полной и безоговорочной победой.

Глава 2

Катерина

Если бы моё психологическое состояние на сегодняшнее утро можно было завернуть в подарочную упаковку, это была бы коробка с гремучей змеёй, перевязанная идеальной шёлковой лентой.

Я стояла перед зеркалом в туалете сорок пятого этажа и поправляла воротник белоснежной блузки из плотного шёлка. Рубашка пахла дорогой химчисткой и крахмалом - этот запах всегда действовал на меня как транквилизатор. На мне был тёмно-синий брючный костюм-двойка от Max Mara, который сидел так безупречно, словно был моей второй кожей. Мои доспехи. Моя маскировка.

- Ну привет, Екатерина Воронцова, - тихо сказала я своему отражению. - Сегодня твой первый официальный день в адском пекле. Постарайся не расплавиться до обеда.

Я затянула волосы в низкий, тугой хвост, не оставив ни одной свободной пряди. Никакой двусмысленности. Никакого намёка на мягкость. Я должна была выглядеть как калькулятор в юбке, способный переварить любые убытки и выдать идеальный результат. Но когда я посмотрела в собственные глаза, то увидела там отражение той самой змеи. Мой отец всё ещё лежал в коме, опутанный проводами, а люди, которые довели его до этого состояния, сейчас собирались пить

дорогой кофе и обсуждать, как лучше распродать его жизнь по кусочкам.

Острое, пульсирующее чувство несправедливости обожгло горло, но я заставила себя сглотнуть этот ком. Гнев - это слишком дешёвое топливо. Он быстро прогорает и оставляет после себя только пепел. Мне нужен был холодный, чистый прагматизм.

Ровно в 10:55 я толкнула тяжёлую стеклянную дверь главного конференц-зала «Crasin Capital».

Пространство внутри поражало своим холодным, почти хирургическим величием. Огромный овальный стол из матового дымчатого стекла казался монолитом, застывшим посреди комнаты. Вокруг него уже сидели одиннадцать человек - высший эшелон компании, те самые корпоративные акулы, которые пережёвывали чужие судьбы на завтрак. Мужчины в костюмах стоимостью в хорошую иномарку и две женщины с лицами сфинксов. Атмосфера была наэлектризована шёпотом, шорохом бумаг и тихим стуком дорогих ручек о блокноты.

Я заняла своё место в самом конце стола - позиция, положенная новому сотруднику. Напротив меня сидел Артур, глава аналитического отдела, который вчера устраивал мне допрос. Он коротко кивнул мне, в его глазах читалось снисходительное любопытство. Мол, посмотрим, как ты выплывешь, девочка из Оксфорда.

Я разложила перед собой планшет и блокнот, выровняв их

по линейке. Мой пульс был ровным, но внутри всё звенело от предвкушения. Я ждала Максима Красина.

По рассказам отца и тем редким статьям в прессе, которые мне удавалось найти, я нарисовала в своей голове образ классического тирана. Я была готова к этому. К грубости легко подготовиться - достаточно просто возвести внутреннюю стену и улыбаться в ответ на любые оскорбления.

Ровно в 11:00 двери зала распахнулись.

Разговоры смолкли мгновенно. Воздух в комнате словно разом потерял несколько градусов.

В зал вошёл не тиран. В зал вошёл дьявол, и на нём был идеальный костюм-тройка цвета мокрого асфальта.

Максим Красин двигался с той абсолютной, пугающей грацией, которая присуща только крупным хищникам. Ни одного лишнего движения. Никакой суеты. Его жилет плотно облегал широкую грудь, а белая рубашка контрастировала с загорелой, безупречно выбритой кожей лица. Он не смотрел на присутствующих, пока шёл к своему креслу во главе стола, но каждый человек в комнате инстинктивно подобрался, словно по команде «смирно».

От него шёл тонкий, гипнотический шлейф аромата: дорогой табак, сандал и что-то леденящее, напоминающее запах озона перед сильной грозой. Этот запах заполнил всё пространство, вытесняя стерильный офисный воздух.

Кросс сел в массивное кожаное кресло и положил большие, сильные ладони на стол. На его левом запястье тускло

блеснули платиновые часы, но моё внимание привлекли его пальцы - длинные, с аккуратными ногтями, но при этом широкие и сильные. Пальцы человека, который умеет душить. И ментально, и, возможно, физически.

Он поднял глаза, и его стальной взгляд медленно скользнул по лицам присутствующих. Когда этот взгляд дошёл до меня, он задержался ровно на одну секунду дольше, чем на остальных. Мои границы затрещали. В его глазах не было ярости, там было пугающее, абсолютное спокойствие человека, который знает, что этот мир принадлежит ему по праву сильного.

- Доброе утро, коллеги, - произнёс он.

Его голос был глубоким, бархатистым баритоном с лёгкой, едва уловимой хрипотцой. Он не повышал тона, но этот звук, казалось, завибрировал прямо у меня в грудной клетке.

- Начнём с главного вопроса. Реструктуризация активов «Zaytsev Publishing». Артур, докладывай.

Артур торопливо поднялся, поправил очки и включил презентацию на огромном настенном экране. На слайдах замелькали графики, таблицы и диаграммы. Всё то, что составляло гордость моего отца, теперь превратилось в сухие столбцы цифр, окрашенные в тревожный красный цвет.

- Ситуация критическая, Максим Эдуардович, - начал Артур, водя лазерной указкой по экрану. - Долги перед субпдрядчиками составляют более четырехсот миллионов. Логистические цепочки заблокированы. Наш аудит показал, что

содержание собственного типографского комплекса в Подмоскowie убыточно на тридцать процентов. Моё предложение: запустить процедуру банкротства холдинга, распродать недвижимость и типографские станки с молотка для покрытия первоочередных долгов, а само издательское крыло ликвидировать как нерентабельное.

Каждое его слово падало на моё сердце раскаленным свинцом. Ликвидировать. Распродать с молотка. Они хотели закопать «Zaytsev Publishing» в безымянную могилу и залить бетоном, чтобы даже памяти не осталось.

Я смотрела на Кросса. Он сидел, слегка откинувшись на спинку кресла, и крутил в пальцах дорогую перьевую ручку. На его лице не отражалось ни одной эмоции. Ему было откровенно скучно. Для него это была просто рутинная утилизация мусора.

- Эрозия бренда составляет восемьдесят процентов, - продолжал Артур, распаляясь. — Имя Зайцева после его... хм, инцидента, ассоциируется на рынке с финансовой катастрофой. Удерживать этот актив нет никакого смысла. Мы снимем сливки с недвижимости и закроем проект.

- Замечательный план, Артур, - раздался мой голос посреди тишины конференц-зала.

Я произнесла это до того, как мой внутренний цензор успел нажать на тормоза. Все одиннадцать пар глаз уставились на меня так, словно я только что заговорила на древнеарамейском. Артур осёкся на полуслове, его указка дрогнула.

Красин медленно перевёл взгляд на меня. Перьевая ручка в его пальцах замерла. В его стальных глазах вспыхнул опасный, хищный интерес.

- Екатерина Алексеевна, если я не ошибаюсь? - Красин произнёс моё вымышленное имя с лёгкой, почти незаметной иронией, от которой у меня внутри всё сжалось. - Наш новый ведущий кризис-менеджер. У вас есть возражения по поводу анализа?

Я выпрямила спину, чувствуя, как шёлк блузки натягивается на плечах. Весь мой страх испарился, уступив место чистому, азартному гнёту. Начиная наш первый пинг-понг.

- Не просто возражения, Максим Эдуардович. У меня стойкое ощущение, что аналитический отдел готовил этот отчёт, пользуясь калькулятором для начальной школы, - спокойно и чётко произнесла я, глядя ему прямо в глаза.

По залу пронёсся тихий, испуганный вздох. Назвать работу главы аналитики детским садом в первый день работы - это было либо самоубийством, либо высшим пилотажем наглости.

Артур покраснел до корней волос. - Воронцова, выбирайте выражения! Цифры не врут...

- Цифры не врут, Артур, но они очень послушно ложатся под того, кто не хочет видеть перспективу, - перебила я его, даже не повернув головы. Мой взгляд был намертво прикован к Красину. - Максим Эдуардович, закрыть издательство и продать станки - это самое примитивное решение, ко-

торое принесёт компании мгновенную, но ничтожную прибыль. Вы просто покроете издержки по кредиту. Это уровень мелкого ломбарда, а не Crasin Capital.

Кросс слегка наклонил голову набок. На его губах скользнула та самая прозрачная, циничная усмешка, которую я видела вчера через стекло.

- Вот как? - протянул он, и в его бархатистом голосе слышались опасные кошачьи нотки. - И что же предлагает наш оксфордский вундеркинд? Просветите нас, серость, госпожа Воронцова.

- Ваш план выглядит как дорогой похоронный костюм, который вы пытаетесь продать трупу, - парировала я, чувствуя, как внутри разгорается пьянящее чувство интеллектуального превосходства. - «Zaytsev Publishing» обладает тем, чего нет ни у одного вашего стартапа — эксклюзивными долгосрочными контрактами с топовыми авторами художественной литературы. Эти контракты защищены такими штрафными санкциями, что если авторы уйдут при ликвидации, Crasin Capital погрозит в судах на ближайшие три года.

Я нажала кнопку на своем планшете, и моя презентация продублировалась на боковых экранах зала.

- Мой альтернативный расчёт показывает: если мы сохраним издательское крыло, но проведём жёсткий ребрендинг - уберём токсичное имя Зайцева и переведём всю дистрибуцию в цифровой формат, оптимизировав склады, - актив выйдет в ноль уже через четыре месяца. А через год его ка-

питализация вырастет на сто сорок процентов. Вы продадите его стратегическому инвестору в три раза дороже, чем та сумма, которую Артур предлагает выручить за металлолом.

Я замолчала, заставив себя сделать ровный вдох. В зале повисла такая глубокая тишина, что было слышно, как гудят кондиционеры под потолком. Все ждали реакции Красина. За такие дерзкие метафоры про «похоронный костюм» из этой компании увольняли быстрее, чем успевал остыть кофе.

Красин не сводил с меня глаз. Его взгляд стал тяжелым, осязаемым, он словно ощупывал моё лицо, задерживаясь на губах, а затем снова поднимаясь к глазам. Это было чисто визуальное доминирование. Он не просто слушал мои аргументы - он оценивал меня как соперника, проверяя, где находится предел моей прочности.

Он был похож на гроссмейстера, который внезапно обнаружил, что пешка на доске ожила и пытается объявить ему шах.

- Похоронный костюм, значит? - негромко повторил Кросс, и в его голосе прозвучала опасная, вибрирующая мягкость. Он медленно положил ручку на стол и подался вперед, опершись локтями о матовое стекло. Расстояние между нами сократилось всего на метр, но мне показалось, что он вошёл в моё личное пространство и сорвал с меня первый слой защиты.

- А вы острая на язык, Екатерина. Оксфорд учит красивым метафорам, но реальный бизнес делается не на филоло-

гических факультетах. Ваши сто сорок процентов прибыли через год — это воздушные замки, построенные на песке. Кто будет финансировать эти четыре месяца дефицита? Моя компания? Я не занимаюсь благотворительностью в пользу обанкротившихся династий.

- Это не благотворительность, это венчурные инвестиции с высоким ROI, - твёрдо ответила я, не отводя взгляда. - Финансирование можно перекрыть за счёт продажи неиспользуемого офисного здания на Новом Арбате. Оно всё равно простаивает. Деньги останутся внутри проекта. Вы ничем не рискуете, Максим Эдуардович. Если только... вы не боитесь сложных задач.

По залу снова пронёсся коллективный вздох. Я фактически обвинила Максима Красина в трусости. На глазах у всего его совета директоров.

Артур вскочил с места, его лицо было багровым: - Воронцова, вы переходите границы! Как вы разговариваете с главным исполнительным директором?!

- Сядьте, Артур, - тихо, но с такой убийственной силой произнёс Красин, что глава аналитики буквально упал обратно в своё кресло, мгновенно закрыв рот.

Красин продолжал смотреть на меня. В его стальных глазах заплясали тёмные, яростные искры. Это был момент, когда весь корпоративный лоск слетает, оставляя только чистую, первобытную борьбу двух волей. Подтекст нашей беседы уже давно вышел за рамки обсуждения цифр. Это была

дуэль. Проверка того, кто первый отведет взгляд, кто первый поддастся эмоциям.

Он медленно поднялся со своего кресла. Его высокий силуэт заслонил свет от панорамного окна. Он обошёл стол, его шаги по ковровину были абсолютно бесшумными, но для меня они звучали как удары набата. Он остановился в двух шагах от моего стула, наклонился и опёрся ладонями о спинки соседних кресел, фактически зажимая меня в стеклянном углу стола.

Запах его парфюма - этот ледяной озон и горячий сандал - окутал меня плотным коконом. Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, контрастирующее с холодом конференц-зала. На таком расстоянии я могла разглядеть крошечную, едва заметную серебристую нить шрама у него над левой бровью и идеальную текстуру его дорогого галстука.

- Значит, вы считаете, что я боюсь сложных задач, Екатерина Алексеевна? - тихо спросил он, наклонив голову так близко, что его дыхание - горячее, со вкусом утреннего эспresso - коснулось моей щеки.

Мой пульс взлетел до критической отметки, но я заставила себя не отодвинуться. Если я сделаю хотя бы шаг назад — я проиграла всю войну.

- Я считаю, что великие лидеры принимают решения, основываясь на потенциале актива, а не на желании поскорее закопать труп конкурента, - прошептала я, стараясь, чтобы мой голос звучал так же твёрдо, как и прежде. Наш диалог

превратился в пинг-понг на грани фола, понятный только нам двум.

Красин смотрел на мои губы. В его взгляде промелькнуло что-то пугающее - тёмная, собственническая одержимость, которая не имела ничего общего с бизнесом. Это был взгляд мужчины, который за закрытыми дверями берёт то, что хочет, не спрашивая разрешения. Высокий градус этого момента ощущался физически: у меня пересохло в горле, а по коже побежали мурашки от этого невыносимого, чувственного давления.

Затем он выпрямился. Магия момента рассеялась, вернулся холодный, циничный директор Crasin Capital.

- Ваша презентация - это занимательная беллетристика, госпожа Воронцова, - громко и публично произнёс он, обращаясь ко всему залу. Его голос снова стал ледяным и отстранённым. - Вы уволены сорок минут назад за нарушение субординации и некомпетентность - именно так я поступил бы с любым другим сотрудником на вашем месте. Но... мне нравятся красивые сказки на ночь.

Он повернулся ко мне спиной и пошёл обратно к своему креслу.

- Я даю вашему плану ровно две недели, Екатерина. Вы лично возглавите проектную группу по «Zaytsev Publishing». Если через четырнадцать дней я не увижу первые подписанные контракты с авторами на новых цифровых условиях и план по продаже здания на Новом Арбате - вы вылетите от-

сюда с такой волчьей картой, что вас не возьмут на работу даже продавцом в привокзальный киоск.

Он сел в своё кресло и открыл следующую папку, давая понять, что разговор окончен.

- Артур, подготовьте документы по передаче полномочий госпоже Воронцовой. Переходим к следующему вопросу. Строительный сектор. Докладывайте.

Я сидела, чувствуя, как внутри меня бушует ураган из облегчения, ярости и странного, пугающего возбуждения. Я получила то, что хотела. Я выбила для издательства отца две недели жизни. Я заставила этого дьявола играть по моим правилам, пусть он и попытался публично размазать мою гордость по полу.

Я посмотрела на Кросса через весь длинный стол. Он делал какие-то пометки в блокноте, полностью игнорируя моё присутствие. Но перед тем, как перевернуть страницу, он на секунду поднял глаза.

В этом коротком, скрытом от остальных взгляде не было ледяного цинизма. Там горел чистый, неразбавленный, опасный интерес хищника, который только что обнаружил, что его добыча умеет кусаться. Это была первая кровь в нашей войне. И судя по блеску в его глазах, вкус этой крови ему чертовски понравился.

Глава 3

Максим

Она думает, что я слеп. Это моё самое любимое заблуждение в людях - когда они принимают моё молчание за неосведомленность, а мою улыбку - за слабость.

Я сидел в своём кресле, откинув голову на кожаный подголовник, и сквозь абсолютно прозрачное стекло своей цитадели наблюдал за тем, как в кабинете напротив Екатерина «Воронцова» сокрушает клавиатуру своего моноблока. Она делала это с такой яростью, словно каждый клик мыши приближал её к моему публичному четвергованию.

У неё потрясающая пластика. Даже когда она злится - а злится она примерно двадцать четыре часа в сутки, - в её движениях нет хаоса. Чистая, концентрированная грация раненой пантеры, которую заперли в стеклянной клетке и заставили заполнять таблицы в Excel.

- Ну давай, Катенька, копай глубже, - тихо произнёс я, пригубив остывший эспрессо. Горькая жидкость тронула язык, но мне нужен был этот стимулятор. - Там, на третьем уровне секретности архивных серверов, лежит отличный пустой файл с цифровой подписью моего старого офшора. Специально для тебя завернул в подарочную ленту.

Мой начальник службы безопасности, полковник Бородин, прислал мне полный отчет по её цифровой активно-

сти ровно двадцать минут назад. Наш «оксфордский вундеркинд» за последние три часа умудрилась трижды протестировать периметр нашей кибербезопасности, используя довольно изящный прокси-скрипт, написанный, судя по сигнатуре, кем-то из её лондонских знакомых. Она искала транзакции Crasin Capital десятилетней давности. Она искала то, что связывало меня с её отцом до того, как я официально перерезал ему горло на совете директоров.

Я знал, кто она такая, с первой секунды.

Точнее, с того самого момента, как её резюме упало в базу данных HR-департамента. Мой полковник - старый параноик, который проверяет даже девичьи фамилии прабабушек у курьеров, доставляющих нам пиццу. Когда система выдала совпадение по биометрии лица Екатерины Воронцовой с фотографиями Катерины Зайцевой из закрытого швейцарского пансиона, Бородин прибежал ко мне со стволом в кобуре и пеной у рта, требуя «немедленно изолировать объект».

Я тогда лишь рассмеялся. Это был самый искренний смех за последние десять лет моей жизни.

«Изолировать? Бородин, ты с ума сошёл. Мне скучно. Мне смертельно, до зубовного скрежета скучно жить в этом мире, где все либо боятся меня, либо пытаются мне продать свои жалкие идеи. А тут... дочка Игоря Зайцева пришла ко мне устраиваться на работу под прикрытием. Это не угроза, полковник. Это подарок судьбы».

Я помню, как изучал её досье. Настоящее досье, а не ту

вылизанную карьерную сказку, которую она скормила Алле на собеседовании. Катерина была любимицей отца. Его единственной уязвимостью. Когда её мать умерла, Зайцев буквально сошёл с ума от страха за девчонку. Он спрятал её в Европе, стёр любые упоминания о ней в российской прессе, переписал все её документы на фамилию матери, чтобы никто и никогда не смог использовать её как рычаг давления в его грязных корпоративных войнах.

Ирония судьбы в том, что именно эта грязная война в итоге пригнала её ко мне. Сама. Без принуждения. Ведомая исключительно своей красивой, чистой, детской жадой места.

Я перевёл взгляд на экран своего планшета, где в режиме реального времени транслировался рабочий стол её компьютера. Она открыла папку с финансовыми отчётами «Zaytsev Publishing» за 2018 год. Её пальцы на мгновение замерли на мышке. Я буквально физически чувствовал, как у неё внутри всё сжимается от боли, когда она видит подписи своего отца под документами, которые теперь принадлежат мне.

- Тебе больно, птичка? - тихо спросил я у пустого кабинета. - Хорошо. Это правильное чувство. Привыкай. Боль - отличный анальгетик против глупости.

Меня влекла её ярость. Это было странное, извращённое чувство, которое пугало даже меня самого. За последние годы через мою постель прошли десятки женщин - безупречных, ухоженных, готовых предугадывать любое мое желание

ради новой сумочки от Hermès или финансирования их концептуальных галерей. Они были пресными, как диетический суп. В их глазах было только одно - отражение моего банковского счёта.

В глазах Катерины горело кое-что подороже всех бриллиантов мира. Там горело желание уничтожить меня. Лично. Стереть мою ухмылку с лица, растоптать мою репутацию и заставить меня ползать на коленях у кровати её разбитого инсультом папаши.

И этот её интеллект... Боже, как же это сексуально. Когда на сегодняшнем совете директоров она назвала стратегию Артура «похороненным костюмом для трупа», у меня в штанах стало тесно. Она стояла там — тонкая, бледная, в этом своём строгом костюме, который скрывал её фигуру, но не мог скрыть этот сумасшедший, вибрирующий магнетизм власти. Она не просто защищала компанию отца - она дралась за неё, как львица на ринге, кусая за лодыжки моих зажавшихся топ-менеджеров.

Я встал из-за стола, поправил манжеты рубашки и медленно пошёл к выходу из кабинета. Время для первого контролируемого сближения. Охотник должен показаться приманке, чтобы та поверила, будто контролирует дистанцию.

Я толкнул тяжёлую дубовую дверь и пересёк коридор. Шаги по ковровину были бесшумными, но когда я приблизился к её стеклянной двери, Катерина инстинктивно вскинула голову. Её внутренний радар сработал безупречно.

Я открыл дверь без стука. Правило номер один в Crasin Capital: на сорок пятом этаже приватность принадлежит только мне.

- Работаем сверхурочно, госпожа Воронцова? - спросил я, останавливаясь у края её стола. Я не стал садиться, намеренно заставляя её смотреть на меня снизу вверх. Классический приём пространственного доминирования.

Катерина мгновенно свернула окно с моим «заминированным» архивом. На её лице за долю секунды выросла та самая оксфордская броня - вежливая, холодная, абсолютно непроницаемая улыбка.

- Максим Эдуардович, - её голос был чистым шёлком, под которым скрывалась удавка. - Изучаю матчасть. Вы ведь дали мне всего две недели. Было бы глупо потратить их на сон, когда на кону стоит моя... карьера.

- Ваша карьера в этой компании висит на очень тонкой нити, Катя, - я намеренно сократил её имя, наблюдая за тем, как едва заметно дёрнулся уголок её левого глаза. Ей не понравилось это панибратство. Прекрасно. - И эта нить находится в моих пальцах. Вы так увлечённо копаетесь в старых отчётах. Ищете там скрытые резервы или просто ностальгируете по временам, когда бумажные книги ещё кто-то покупал?

- Я ищу системные ошибки вашего аналитического отдела, - она откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди. Этот жест был защитным, но её подбородок по-преж-

нему был вздёрнут вверх. - Артур и его люди привыкли работать со стартапами, где весь бизнес - это код и три сервера в облаке. Они не понимают специфики традиционного производства. У «Zaytsev Publishing» огромный потенциал в региональных типографиях, если перевести их на контрактную основу для сторонних заказчиков.

- Умная девочка, - я наклонился вперед, упершись ладонями в край её стола.

Теперь моё лицо находилось в полуметре от её лица. Я видел, как расширились её зрачки, поглощая темную радужку. Я чувствовал её запах - никакой тяжёлой парфюмерии, только свежесть чистого тела, шёлк блузки и едва заметный, горьковатый аромат мятных леденцов, которые она жевала, чтобы заглушить стресс. Этот запах ударил мне в голову, как чистый спирт.

- Оксфордская броня, шёлковые блузки, циничный взгляд... - медленно произнёс я, понизив голос до той частоты, которая заставляет женщин затаить дыхание. - Скажите мне, Екатерина, а что скрывается за этим фасадом идеального кризис-менеджера? Мне начинает казаться, что ваша мотивация в этой компании несколько глубже, чем просто получение годового бонуса.

В её глазах на мгновение промелькнул чистый, первобытный страх. Она подумала, что я раскрыл её. Но её самообладание заслуживало памятника при жизни. Она улыбнулась - чуть шире, чуть язвительнее.

- Моя мотивация очень проста, Максим Эдуардович. Я люблю деньги. И я люблю побеждать. А ваша компания - лучшее место в этом городе для реализации обеих этих девиаций. Разве не вы говорили на лекции в Сколково два года назад, что «лучший сотрудник - это тот, у кого вместо сердца стоит калькулятор, а вместо совести - жажда наживы»?

Я замер. Она цитировала моё старое выступление. Выступление, которое я читал в тот самый месяц, когда её отец перенёс первый микроинсульт из-за моих первых судебных исков.

- Вы конспектировали мои лекции? Я тронут, - я выпрямился, засунув руки в карманы брюк. - Но помните, Катя: калькуляторы иногда ломаются, если на них слишком сильно нажать. А жажда наживы может завести в ловушку, из которой нет выхода.

- Вы мне угрожаете? А я думала, что в Crasin Capital действует политика открытых дверей и поддержки инициативных сотрудников. Или пункт о «расчленении несогласных» прописан в моем контракте мелким шрифтом на последней странице?

- В вашем контракте, Екатерина Алексеевна, мелким шрифтом прописано только одно право - право работать на меня до полного изнеможения, - я коротко усмехнулся, разворачиваясь к двери. - Жду отчёт по авторам завтра к девяти утра. На моём столе. И... Катя?

- Да? - она уже потянулась к мышке, спеша вернуться к

своим раскопкам.

- Не балуйтесь с архивными серверами. Наша служба безопасности очень нервно реагирует на несанкционированные попытки скачивания старых баз данных. Будет обидно, если полковник Бородин задержит вас на выходе из здания с флешкой в сумочке. Это испортит ваше безупречное резюме.

Я вышел из кабинета, закрыв дверь, и не оборачиваясь пошёл к себе.

Я знал, что сейчас её сердце бьётся со скоростью отбойного молотка. Я только что дал ей понять, что вижу её шаги, но при этом оставил ей иллюзию того, что считаю её обычной шпионкой-карьеристкой, а не дочерью моего злейшего врага. Это заставит её действовать быстрее. А когда люди действуют быстро, они совершают ошибки.

Вернувшись в свой кабинет, я подошёл к панорамному окну. Ночная Москва за стеклом переливалась миллионами огней, но этот пейзаж больше не казался мне пустым. В этой картине появился смысл. Моя личная, живая, смертельно опасная игрушка сидела в стеклянном кубе прямо за моей спиной.

Я достал из кармана телефон и вызвал Бородина.

- Да, Максим Эдуардович, - мгновенно отозвался полковник.

- Бородин, сними все ограничения на её доступ к файлам по «Zaytsev Publishing». Пусть смотрит всё, что хочет. Под-

стройте так, чтобы она наткнулась на документы по оценке здания на Новом Арбате.

- Но там же... - полковник запнулся. - Там же реальные цифры наших затрат на схему поглощения. Если она поймёт, как именно мы прижали её отца через банк-спутник, она сможет использовать это в арбитраже.

- Она не успеет дойти до арбитража, Бородин, - я улыбнулся, глядя на своё отражение в стекле. - Она думает, что строит подкоп под мою крепость. Она не понимает, что этот подкоп ведёт напрямиком в мою спальню. Выполняй.

- Есть, - глухо ответил полковник и отключился.

Я положил телефон на стол и подошёл к сейфу. Достал ту самую тонкую папку с наброском нового соглашения, которое я подготовил. Контракт на один год.

Мой план был безупречен в своей жестокости. Я позволю ей найти «компромат». Я позволю ей поверить, что она поймала меня за руку. Она придет ко мне в этот кабинет, бледная от торжества, с высоко поднятой головой, думая, что сейчас уничтожит Максима Красина. И именно в этот момент я положу перед ней этот контракт.

Я скажу ей: «Либо ты подписываешь это, Екатерина Игоревна Зайцева, и становишься моей вещью на ближайшие триста шестьдесят пять дней, либо завтра твоя поддельная биография окажется в прокуратуре, твой отец лишится последней ведомственной клиники, а холдинг будет стёрт с лица земли до конца этой недели».

Это был психологический надрыв в чистом виде - то, от чего люди ломаются навсегда. Я знал, что это жестоко. Я знал, что моя покойная сестра Алина, если бы видела меня сейчас, ужаснулась бы тому, в какого монстра превратился её старший брат. Но Алина была мертва. Её закопали в сырую землю десять лет назад из-за того, что Игорь Зайцев решил «оптимизировать издержки» и вышвырнул нашего отца из бизнеса, оставив нас без копейки на её лечение.

Травма прошлого внутри меня не просто зажила - она превратилась в уродливый, твёрдый келоидный рубец, который перекрыл доступ к любым человеческим чувствам. Любовь, жалость, сострадание - всё это были девиации для слабых. Я выжил только потому, что стал твёрже, чем тот гранит, из которого построен этот небоскрёб.

Но когда я снова обернулся и посмотрел через стекло на Катерину, моё сердце сделало странный, болезненный толчок. Она сидела, подперев кулаком подбородок, и задумчиво грызла кончик дорогой ручки. Свет от монитора падал на её лицо, подчёркивая хрупкую линию шеи и бледность кожи.

Она была такой тонкой. Такой уязвимой в этой своей фальшивой оксфордской броне.

- Ты сама пришла ко мне, птичка, - прошептал я, чувствуя, как тёмная, горячая волна собственнического инстинкта снова поднимается из самых глубин моего существа. - Я не выпущу тебя из этой клетки. Ты будешь ненавидеть меня, ты будешь царапаться, ты будешь пытаться перерезать

мне горло во сне. Но ты будешь моей. До последнего вздоха. До последней капли твоей гордой, зайцевской крови.

Ловушка была готова. Приманка заглотила крючок и теперь с увлечением изучала глубину водоёма, не подозревая, что леска уже натянута до предела. Охота началась, и этот раунд я не собирался проигрывать никому.

Глава 4

Катерина

Время - 23:42. В это время нормальные люди либо смотрят третий сезон дурацкого сериала, завернувшись в плед, либо спят, либо, на худой конец, совершают набеги на холодильник в поисках запретных углеводов.

Я же занималась промышленным шпионажем на сорок пятом этаже стеклянного фаллоса в Москва-Сити. Прекрасное завершение недели. Если меня поймают, Оксфорд наверняка аннулирует мой диплом из соображений этики, а папа... папа просто не узнает, потому что его медицинский монитор всё ещё выстукивает свой монотонный, бездушный ритм в стерильной палате.

Офис «Crasin Capital» ночью напоминал декорации к антиутопическому триллеру. Дневной гул, пахнувший дорогим парфюмом, амбициями и пережжённым кофе, испарился. Остались лишь безликие тени дизайнерских кресел, холодный полумрак и тихий, едва слышный стрёкот серверных вентиляторов, который пробивался сквозь систему вентиляции. За панорамными окнами бушевала классическая московская осень - косые струи дождя хлестали по стеклу, разбиваясь о него и превращая огни ночного города в размытые, пульсирующие неоновые кляксы. Кроваво-красный свет вывески соседней башни ложился на мой стол длинными, зло-

вещими полосами.

Мои пальцы быстро порхали по клавишам.

- Давай же, шевели своими кремниевыми мозгами, - прошептала я, не сводя глаз с экрана.

На моём чёрном стеклянном столе лежал небольшой серебристый брусок - портативный твердотельный накопитель с шифрованием, который мне раздобыл один очень талантливый и очень дорогой знакомый из Даркнета. На экране моноблока ползла тонкая полоса загрузки. Программа-эксплойт, запущенная мной десять минут назад с корпоративного аккаунта «Екатерины Воронцовой», медленно, но верно пробивала внутренний брандмауэр личного архива Максима Красина.

Я нашла то, что искала. Точнее, система сама подсунула мне эти файлы, словно небрежно оставленная наживка. Но у меня не было времени размышлять о ловушках. Когда перед тобой открывается дверь в архив с кодовым названием «Проект Авангард» - ты не думаешь о последствиях. Ты заходишь и забираешь всё.

В этих папках хранилась вся подноготная поглощения «Zaytsev Publishing». Схемы искусственного занижения капитализации, списки подкупленных чиновников из антимонопольного комитета и, главное, документы по Vanguard Trust - той самой подставной структуре, через которую Красин скупил долги моего отца. Это был не просто компромат. Это было орудие убийства, завернутое в юридические фор-

мулировки.

Копирование данных: 74%

Каждая секунда ожидания ощущалась как удар хлыста по натянутым нервам. Мой брючный костюм от Max Mara, который днём казался идеальными доспехами, сейчас душил меня. Шёлк блузки неприятно лип к спине, а воротничок казался слишком тугим. Я чувствовала себя воровкой в собственном доме. Хотя, технически, это был дом человека, который украл жизнь моей семьи.

Я посмотрела через коридор на закрытую дубовую дверь кабинета Красина. Жалюзи были опущены, внутри было темно. Секретарь ушла ещё в восемь вечера, предварительно пожелав мне «хороших выходных». Если бы она знала, какими будут эти выходные, она бы вызвала ОМОН прямо к ресепшн.

Пип. Звук показался мне оглушительным, словно выстрел в пустой церкви.

Копирование данных: 89%

Я перевела взгляд на окно. Дождь снаружи усилился, капли стучали по стеклу с безумной, рваной частотой. Контраст между этим бушующим водяным хаосом снаружи и стерильной, застывшей тишиной офиса вызывал удушье. Моё дыхание оставляло едва заметный след пара на холодном воздухе кабинета. Кондиционеры ночью работали в режиме энергосбережения, и температура на этаже стремительно падала.

- Девяносто два процента. Пожалуйста, быстрее... - за-

шептала я, сжав кулаки.

И в этот момент мир исчез.

Разом. Без предупреждения.

Монитор компьютера погас, погружая кабинет в абсолютную, непроглядную тьму. Смолк стрёкот серверов. Выключилась приточная вентиляция, и тишина, ставшая осязаемой, мгновенно заложила уши. Красный неон из окна больше не пробивался — на соседней башне, видимо, тоже что-то произошло, или же отключение затронуло весь наш энергоблок. Остался только блёклый, грязно-серый свет ночного неба, едва пробивающийся сквозь пелену дождя.

Моё сердце сделало дикий, панический кувырок и застряло где-то в районе горла.

- Нет, нет, нет... - я судорожно нажала на кнопку включения монитора. Ничего. Полная смерть системы. Флешка... скопировались ли данные? Если поток прервался на девяносто процентах, файл окажется битым. Вся моя инфильтрация, весь этот грёбанный риск - всё коту под хвост.

Я потянулась в темноте к столу, нащупывая серебристый корпус накопителя, чтобы выдернуть его и сбежать, пока не включились резервные генераторы и не сработала тревога. Мои пальцы наткнулись на холодный металл. Я резко дернула шнур на себя.

И замерла.

В тишине пустого этажа раздался звук. Это был не скрежет металла и не писк оживающей электроники.

Это был тихий, мерный, едва уловимый шорох подошв дорогих туфель по ковролину коридора. Шаги приближались со стороны лифтового холла. Медленные. Уверенные. Шаги человека, который не боится темноты, потому что сам является её частью.

Я затаила дыхание, вжавшись в спинку кожаного кресла. Мой мозг, выдрессированный годами жёсткого логического анализа, сейчас выдавал только одну синюю карточку ошибки: Беги. Но бежать было некуда. Мой кабинет - стеклянный куб. Я была как на ладони, даже в этом сером полумраке.

Шаги стихли прямо у дверей моего кабинета.

Сухой, шелкающий звук поворачивающейся дверной ручки разрезал тишину, как скальпель. Дверь медленно отворилась.

В проёме показался высокий силуэт. Из-за отсутствия освещения я не видела его лица, но этот разворот плеч, эту хищную, ленивую осанку я бы узнала, даже если бы меня лишили зрения. Максим Красин.

От него пахло холодом, дождём и тем самым неизменным, гипнотическим шлейфом дорогого табака и сандала. Этот запах мгновенно заполнил маленькое пространство моего кабинета, вытесняя остатки озона. На нём не было пиджака - только тёмная рубашка с расстёгнутым воротником и закатанными до локтей рукавами. В сером полумраке его кожа казалась бледной, а шрам над бровью - тёмной, резкой чертой.

Он вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. Клик. Замок защёлкнулся.

- Знаешь, Катя, - раздался его голос. Глубокий, бархатистый баритон, опустившийся до опасного, вибрирующего шепота. От этого звука у меня по позвоночнику пробежала волна горячих, колючих мурашек. - В правилах внутреннего распорядка «Crasin Capital», которые ты, очевидно, не удосужилась прочитать, есть пункт о режиме энергосбережения после двадцати двух часов. Но ты, я вижу, предпочитаешь альтернативные источники энергии. Например, чужие серверы.

Он сделал шаг вперёд. Затем ещё один. Медленно, словно давая мне время прочувствовать всю неизбежность моего положения.

Я встала из-за стола, инстинктивно отступая назад, пока мои бёдра не упёрлись в тяжёлую кромку столешницы. Отступать больше было некуда.

- Максим Эдуардович, - мой голос прервался на первом слоге, но я заставила себя вернуть ему прежнюю оксфордскую твёрдость, хотя внутри меня всё дрожало от дикого, первобытного напряжения. - Я... я просто засиделась за отчётом по издательству. Вы ведь сами дали мне две недели. Я не хотела терять время. А свет... видимо, авария на линии.

- Авария? - Красин остановился в шаге от меня. Так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его широкой груди. Он был намного выше меня, и в этой темноте его фигура

полностью заслоняла собой то небольшое освещение, что шло от окна. - Какая глупая, наивная ложь для девочки с дипломом МВА. Это не авария, Катенька. Это я отключил питание этого крыла со своего пульта. Мне надоел этот монотонный стрёкот твоего эксплойта. Он мешал мне думать.

У меня перехватило дыхание. Он знал. Он знал всё с самого начала.

Капкан захлопнулся с тихим, сухим звуком, и этим звуком было моё собственное прервавшееся дыхание.

Я попыталась сделать шаг в сторону, чтобы обойти его и прорваться к двери, но Красин среагировал мгновенно. Его движение было смазанным, пугающе быстрым. Прежде чем я успела осознать, что происходит, его большие, сильные ладони опустились на край стола по обе стороны от моих бёдер.

Он зажал меня. Я оказалась заблокирована между его тяжёлым, мускулистым телом и краем стеклянного стола.

Физическое напряжение в пространстве между нами взлетело до какой-то сумасшедшей, невыносимой отметки. Я чувствовала, как шёлк его тёмной рубашки едва заметно касается лацканов моего пиджака. Контраст между холодом стеклянной стены за моей спиной и этим обжигающим, плотным теплом, исходящим от него, кружил голову.

- Куда-то торопишься, Екатерина Алексеевна? - прошептал он, наклоняясь ниже.

Теперь его лицо находилось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела отблески серого света в его стальных глазах

— они казались тёмными, почти чёрными, и в них горел тот самый опасный, первобытный огонь, который я заметила на совете директоров. Его горячее дыхание, пахнувшее горьким кофе, коснулось моей шеи, заставив меня инстинктивно втянуть голову в плечи.

- Пустите меня, Максим Эдуардович, - мой шепот получился тихим, надтреснутым. Наш диалог окончательно перешёл на ту грань, где слова теряют свой первоначальный смысл, превращаясь в элементы игры власти и подчинения. - Это нарушение всех корпоративных норм. Вы не имеете права...

- Права? - Красин тихо, хрипло рассмеялся прямо мне в губы. Этот смех вибрировал у меня под кожей. — В этом здании, Катя, единственное право, которое имеет значение - это моё право делать всё, что я посчитаю нужным. Ты пришла в мою компанию по поддельным документам. Ты три часа взламывала мои серверы. И ты сейчас говоришь мне о правах?

Он медленно поднял одну руку со стола. Его длинные пальцы, тёплые и сухие, коснулись моего подбородка. Этот жест не был грубым, но в нём было столько непреклонной, собственнической силы, что я не смогла пошевелиться. Он аккуратно, но настойчиво заставил меня поднять голову, вынуждая смотреть ему прямо в глаза.

- Твоя кожа такая холодная, - выдохнул он, и его большой палец медленно провел по моей нижней губе, заставляя её

слегка приоткрыться. Это прикосновение отозвалось внизу живота острой, тянущей вспышкой чистого, запретного магнетизма. Это был момент, когда страх и влечение смешиваются в такой токсичный коктейль, что разум просто отключается. - Ты дрожишь, птичка. От чего? От страха, что я вызову полицию? Или от того, как сильно тебе нравится то, что происходит сейчас между нами?

- Вы сумасшедший, - прошептала я, пытаюсь дернуть головой, но его хватка на моем подбородке лишь слегка усилилась, фиксируя меня. Мои ладони упёрлись в его грудь, пытаюсь создать хоть какую-то дистанцию. Под тонкими слоями ткани я почувствовала жёсткие, ритмичные удары его сердца. Оно билось быстро. Так же быстро, как и моё. - Вы ничего не докажете. Мои файлы чисты.

- Мне не нужно ничего доказывать, Катерина Игоревна, - тихо, на самом краю слышимости, произнёс он.

Моё настоящее имя, сорвавшееся с его губ, подействовало на меня как удар током. Мои руки на его груди обмякли. Вся моя оксфордская броня, все мои тщательно выстроенные планы, вся моя ярость - всё рухнуло, рассыпавшись мелким битым стеклом у наших ног.

Он знал. С самого первого дня. С самой первой секунды.

- Откуда... - сорвалось с моих губ.

- Твой отец был умным игроком, Катя. Но он совершил одну ошибку - он думал, что сможет спрятать тебя в Европе под фамилией Воронцова, - Красин наклонился ещё бли-

же, так что его губы почти коснулись мочки моего уха. Его шёпот обжигал кожу, вызывая дрожь во всём теле. — Моя служба безопасности знает каждый твой шаг с момента, как ты приземлилась в Шереметьево. Я знал, что ты придёшь. Я ждал тебя. Я освободил этот кабинет для тебя. Мне хотелось посмотреть, как далеко ты сможешь зайти в своей глупой, красивой мести.

- Зачем? - я заставила себя посмотреть в его стальные глаза. Мой гнев вернулся, пробиваясь сквозь страх и это дурманящее физическое влечение. - Чтобы поиздеваться надо мной? Чтобы уничтожить меня так же, как ты уничтожил моего отца? Ты монстр, Красин. Ты довел его до insultной палаты ради куска недвижимости на Новом Арбате!

В его взгляде при упоминании моего отца что-то изменилось. На долю секунды маска ледяного цинизма треснула, и из глубины его души показался тот самый психологический надрыв - старая, рваная рана, которая мешала ему быть человеком. Его пальцы на моём подбородке сжались чуть сильнее, а лицо потемнело от какой-то глухой, застарелой ярости.

- Ты ничего не знаешь о том, что произошло, Катя, - тихо, с пугающей жестокостью произнёс он. - Ты видишь только обёртку. Твой отец получил то, что заслужил. Он сыграл в игру, правила которой сам же и нарушил десять лет назад. И цена, которую он заплатил - это ещё сущие копейки.

- Он умирает! - выкрикнула я шепотом, чувствуя, как к глазам подступают злые, горячие слёзы. Я ненавидела себя

за них, но напряжение было слишком высоким. - Он лежит там, на проводах, а ты... ты стоишь здесь и судишь его!

Красин молчал несколько секунд. Его дыхание было тяжёлым, рваным. Он смотрел на мои слёзы, и в его глазах промелькнуло странное, сложное чувство - смесь жестокого удовлетворения и какого-то извращённого, болезненного сострадания. Он медленно опустил руку с моего подбородка, но не отошёл. Напротив, он придвинулся ещё ближе, так что его бедра полностью прижались к моим.

Этот чувственный натиск был невыносим. Моё тело предавало меня - вопреки здравому смыслу, вопреки ненависти к этому человеку, каждая клетка моего существа тянулась к его теплу. Этот тёмный офис становился полем боя, где слова закончились, и начался чистый, первобытный язык власти и уязвимости.

- Я не собираюсь уничтожать тебя, Катя, - тихо произнёс он, и его рука медленно скользнула по моему бедру вверх, останавливаясь на талии. Его пальцы сквозь ткань пиджака казались раскалённым железом. - Ты слишком ценный актив, чтобы тратить тебя на полицию или судебные иски. Твой интеллект, твоя ярость, эта твоя восхитительная, дикая гордость... Всё это теперь принадлежит мне.

- Я никогда не буду твоей, - прошептала я, глядя ему прямо в губы. - Я лучше схохну, Красин.

- Будешь, - его голос прозвучал как смертный приговор, обжалованию не подлежащий. - У тебя нет выбора, птичка.

Завтра утром ты подпишешь один документ, который я для тебя приготовил. Контракт на один год. Ты будешь жить в моём пентхаусе. Ты будешь работать под моим полным контролем. Ты будешь делать всё, что я скажу.

- А если я откажусь? - я попыталась вернуть своему голосу остатки гордости.

- Если ты откажешься, - Красин наклонился и коснулся своими губами уголка моих губ. Это не был поцелуй - это было обещание уничтожения. Мимолётное, влажное, обжигающее прикосновение, от которого у меня подкосились колени. - То завтра утром твой отец лишится финансирования в клинике. Его переведут в обычную городскую больницу на окраине, где его не станет через три дня. А «Zaytsev Publishing» будет ликвидировано до конца недели, и все твои оксфордские друзья узнают, что Екатерина Воронцова - обычная уголовница, пытавшаяся украсть коммерческую тайну.

Он отстранился на несколько сантиметров, разрывая наш физический контакт, но его стальной взгляд продолжал удерживать меня на месте лучше любых цепей.

- Выбор за тобой, Катя. Твоя гордость или жизнь твоего отца. Подумай об этом до утра.

В этот момент под потолком что-то глухо щёлкнуло. Загудели серверы. Кондиционеры выбросили в комнату струю холодного воздуха. Кабинет мгновенно залило ярким, неестественным белым светом оживших люминесцентных ламп.

Я зажмурилась от резкой вспышки, а когда открыла глаза - Максима Красина в кабинете уже не было. Дверь была открыта, а на моём стеклянном столе, прямо перед пустой клавиатурой, лежал серебристый накопитель. Шнур был аккуратно смотан.

Я упала обратно в кресло, чувствуя, как крупная дрожь бьёт всё моё тело. Мои ладони в перчатках были влажными от пота. Я посмотрела на флешку, затем на прозрачную стену своего кабинета. Через коридор, в своём огромном кабинете, Максим Красин сидел за столом, небрежно накинув пиджак на плечи. Он не смотрел на меня. Он читал какие-то бумаги, словно последние десять минут в темноте были лишь плодом моего воспаленного воображения.

Но моя нижняя губа всё ещё горела от прикосновения его пальца, а в воздухе кабинета всё ещё отчётливо пахло дождём, табаком и сандалом. Система была взломана. Но взломали не серверы Красина. Взломали меня. И этот контракт, который мне предстояло подписать утром, был началом моей полной и окончательной капитуляции перед его одержимостью.

Глава 5

Катерина

Утро встретило меня запахом гари от пережаренных тостов в моей съёмной квартире и вкусом зубной пасты, которая казалась слишком мятной, почти разъедающей рецепторы. Я не спала ни минуты. Триста шестьдесят минут чистой, концентрированной бессонницы, проведённых в компании остывающего чая и мыслей, которые металась в черепной коробке подобно рикошетиющим пулям.

Когда ты заходишь в стеклянный лифт башни «Crasin Capital» на следующее утро после того, как твой босс прижал тебя к столу в крошечной тьме и назвал твоё настоящее имя, ты ждёшь развязки. Я ждала охраны. Ждала двух хмурых мужчин в сером камуфляже с рациями, которые перехватят меня у турникетов, молча заберут временный пропуск и вежливо, но твёрдо выпроводят на заплывающий осенним дождём асфальт Пресненской набережной. В моей сумке лежал ноутбук, очищенный от любых следов ночного взлома, и паспорт на имя Екатерины Воронцовой - документ, ставший моей фальшивой кожей.

Но турникет пискнул зелёным. Двадцать третий этаж, тридцатый, сорок второй... Лифт поднимался, закладывая уши, а моё сердце падало куда-то в район подошв туфель от Christian Louboutin.

Сорок пятый этаж встретил меня той же стерильной, звенящей тишиной. Секретарь Максима, безупречная блондинка с лицом фарфоровой куклы, даже не подняла головы, когда я прошла мимо её стойки. Всё было слишком нормально. Пугающе нормально.

Я толкнула стеклянную дверь своего кабинета и застыла.

На моём девственно чистом столе из тёмного стекла не было коробки для моих личных вещей. Там не лежал приказ об увольнении по статье за промышленный шпионаж. Вместо этого в самом центре, ровно параллельно кромке стола, покоилась папка из плотной, тяжёлой матовой бумаги цвета слоновой кости. Сверху на ней лежал тяжёлый перьевой Montblanc ... нет, не думай об этом. Моя нижняя губа до сих пор слегка горела, напоминая о прикосновении его большого пальца, и этот фантомный жар заставлял меня злиться ещё сильнее.

Я подошла к столу, чувствуя, как шёлк блузки липнет к лопаткам от внезапного прилива адреналина. Надавила пальцами на обложку папки. Открыла.

СОГЛАШЕНИЕ О КОНФИДЕНЦИАЛЬНОМ ПАРТНЁРСТВЕ И РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ АКТИВОВ

Это был не приказ. Это был контракт. И первые же строчки заставили меня забыть, как дышать.

«Сторона 1: Красин Максим Эдуардович, действующий от имени Crasin Capital...» «Сторона 2: Зайцева Катерина Игоревна...»

Он написал моё настоящее имя. Чёрным по белому. В официальном документе, составленном с такой безупречной юридической жестокостью, что у меня перехватило дыхание. Максим Красин. Акула венчурного бизнеса, уничтожившая империю моего отца, не просто знала, кто я. Он задокументировал мою уязвимость.

Я быстро пробежала глазами по пунктам, и ладонь, державшая край папки, задрожала.

«Пункт 1.2. Предмет соглашения. Сторона 2 обязуется осуществлять трудовую деятельность на должности ведущего кризис-менеджера в головном офисе Crasin Capital под полным, непрерывным и единоличным контролем Стороны 1 в течение 12 (двенадцати) календарных месяцев с момента подписания...»

«Пункт 2.1. Условия проживания. В целях обеспечения конфиденциальности и оперативного взаимодействия в рамках реструктуризации активов, Сторона 2 обязуется сменить место постоянного проживания на жилое помещение, принадлежащее Стороне 1 (пентхаус по адресу: ул. Новый Арбат, д. 21, кв. 45) на весь срок действия настоящего Соглашения...»

«Пункт 4.5. Компенсация. При условии неукоснительного соблюдения всех пунктов настоящего Соглашения Стороной 2, Сторона 1 обязуется по истечении 12 месяцев безвозмездно передать Стороне 2 контрольный пакет акций (51%) реструктурированного холдинга...»

Один год сожительства. Один год полной, тотальной изоляции под его надзором. Спальня как поле боя. Офис как тюрьма со стеклянными стенами. А взамен - жизнь моего отца и возвращение дела всей его жизни. 51% акций. Контрольный пакет, который вернул бы нашу семью с края бездны.

- Тебе нравится формулировка, Катенька? Мои юристы трудились над ней до четырёх утра, - раздался глубокий, бархатистый баритон от двери.

Я резко обернулась. Максим красин стоял в проёме, прислонившись плечом к косяку. На нём был тёмно-синий костюм-тройка, верхняя пуговица жилета расстёгнута, а руки покоились в карманах брюк. Он выглядел так, словно спал положенные восемь часов, занимался спортом и пил свежесжатый сок, в то время как я чувствовала себя восставшим из ада мертвецом. Его стальные глаза скользили по моему лицу с тем самым ленивым, сытым удовлетворением, которое вчера ночью довело меня до дрожи.

- Ты сумасшедший, Красин, - выплонула я, делая шаг назад и упираясь поясницей в подоконник. Панорамное окно за моей спиной было холодным, и этот контраст немного привёл меня в чувство. - Это не контракт. Это рабство. Это шантаж, подпадающий под Уголовный кодекс. Сожительство? Полный контроль? Ты серьёзно думаешь, что я подпишу этот бред?

Максим оттолкнулся от косяка и медленно, по-кошачьи

двинулся в мою сторону. Пространство кабинета мгновенно сжалось, заполняясь его запахом - сандал, дорогой табак и леденящий привкус грозового озона.

- Уголовный кодекс - очень гибкая штука, Катя, - произнёс он, останавливаясь в двух шагах от меня. Он вынул руки из карманов и поправил манжеты рубашки. Платина его часов тускло блеснула в утреннем свете. — Особенно когда на одной чаше весов лежит твоя ночная вылазка в мои серверы с флешкой из Даркнета — а это, на минуточку, до пяти лет лишения свободы за кражу коммерческой тайны в особо крупном размере. А на другой чаше - медицинские счета твоего отца в клинике «Медиси», которые моя компания оплачивает каждые двадцать четыре часа.

- Мой отец... - у меня перехватило горло, гнев поднялся горячей волной к щекам. - Ты обещал, что его не тронут!

- Я обещал, что его не тронут, если ты будешь умницей, - Максим сделал ещё шаг, сокращая дистанцию до опасного минимума.

Я видела, как расширяются его зрачки, как они сканируют моё лицо, задерживаясь на бледных губах. Его голос опустился до шепота, вибрирующего прямо у меня под ключицами.

- Но умницы не взламывают архивы по ночам. Умницы не пытаются перерезать мне горло, пока я даю им шанс доказать свою профпригодность. Ты хотела корпоративную войну, Воронцова? Получи. Это её первые условия. Капитуля-

ция, оформленная по всем правилам нотариата.

- Это не капитуляция, это извращение, - я заставила себя посмотреть ему прямо в глаза, скрестив руки на груди, чтобы скрыть, как сильно меня колотит. Наш ментальный пинг-понг возобновился, но теперь ставки были слишком высоки. - Зачем тебе это, Максим? Если ты хочешь уничтожить меня, просто вызови полицию. Оформи протокол, разрушь мою карьеру, брось меня в камеру. Это было бы логично для такого циничного ублюдка, как ты. Зачем тебе этот цирк с пентхаусом? Тебе не хватает женского внимания? Ну так свистни — у твоих дверей выстроится очередь из моделей, готовых на всё ради твоих миллиардов. Зачем тебе я?

Красин тихо, хрипло рассмеялся. Его смех был тёплым, но от него веяло такой пугающей, первобытной силой, что у меня подкосились колени. Он наклонился вперед, опершись одной рукой о подоконник прямо рядом с моим бедром. Я оказалась зажата между его сильным телом и ледяным стеклом окна - точно так же, как вчера ночью у стола.

- Модели пресные, Катя, - выдохнул он мне прямо в губы. Его дыхание пахло горьким эспрессо и дорогой корицей. - Они соглашаются со всем, что я говорю, ещё до того, как я открою рот. Они смотрят на мой кошелёк и пытаются соответствовать моим ожиданиям. А ты... ты смотришь на меня так, словно мечтаешь вонзить мне ручку в глаз прямо сейчас. Твоя ярость... твой этот колючий, великолепный интеллект - это самый лучший наркотик, который я пробовал за

последние десять лет.

Он протянул руку и медленно, едва касаясь, провел тыльной стороной указательного пальца по моей щеке. Этот жест был настолько чувственным, осязаемым, что у меня по коже побежали мурашки, а внизу живота образовался тугий, горячий узел.

- Я хочу видеть, как ты будешь подчиняться мне, зная, что у тебя нет другого выхода, - продолжал он, и его стальной взгляд потемнел, наполнившись той самой пугающей, темной одержимостью. - Я хочу, чтобы ты каждое утро просыпалась в моём доме, пила мой кофе, смотрела, как я завязываю галстук, и понимала: твоя свобода, твоё издательство, жизнь твоего обожаемого папочки - всё это находится в этих руках. Ты будешь драться со мной днём на совещаниях, ты будешь шутить свои оксфордские шуточки, но ночью... ночью ты будешь принадлежать мне. Без остатка.

Я зажмурилась, пытаясь отвернуться от его обжигающего прикосновения, но его пальцы переместились на мою шею, мягко, но властно фиксируя её. Большой палец лёг на пульсирующую артерию. Моё сердце билось со скоростью испуганной птицы, и Максим чувствовал это. Он упивался моей уязвимостью.

- Сделка с дьяволом, Катенька, - прошептал он у самого моего уха. Его губы едва заметно задели мою мочку, заставляя меня вздрогнуть от острой вспышки запретного удовольствия. - Самая честная сделка на этом рынке. Год твоей жиз-

ни в обмен на 51% акций холдинга. Через триста шестьдесят пять дней ты заберёшь документы, заберёшь своего отца, если он выкарабкается, и сможешь вычеркнуть Максима Красина из своей жизни навсегда.

Я открыла глаза. Мой разум лихорадочно анализировал ситуацию, отбрасывая эмоции и оставляя только сухой, безжалостный остаток.

У меня действительно не было выбора. Если я откажусь, папу переведут в государственную больницу, где его угробят за неделю - без должного ухода, без импортных лекарств, которые Красин закупает через свои фонды. Издательство будет стёрто с лица земли, активы распроданы с молотка, а я окажусь на скамье подсудимых. Моя месть закончится, даже не начавшись.

Но если я соглашусь... Я получу доступ к его жизни. Я буду жить в его доме. Я смогу видеть его уязвимости, его привычки, его слабые места. За закрытыми дверями его жестокость - лишь фасад, скрывающий какую-то старую, рваную трагедию, о которой упоминалось в архивных обрывках, что я успела заметить вчера. Один год - это долго. Но это достаточно времени, чтобы найти способ перевернуть эту доску и заставить его пожалеть о том дне, когда он решил заключить этот контракт на одержимость.

Любовь здесь не ночевала. Это была опасная зона, где мне предстояло сорвать с себя все маски, но при этом сохранить душу.

- Хорошо, - мой шепот прозвучал на удивление чётко в тишине кабинета. Я заставила себя посмотреть ему прямо в его стальные глаза, выжигая в них свою собственную, неразбавленную ненависть. - Я подпишу твою бумажку. Но не думай, что ты победил.

Я мягко, но настойчиво убрала его руку со своей шеи. Прямой контакт нашей кожи ощутился как удар статического электричества.

- Я буду жить в твоём пентхаусе. Я буду работать на твою компанию. Но помни: если ты попытаешься взять меня силой, без моего согласия, этот контракт превратится в твоё личное уголовное дело о насилии. Я не твоя шлюха, Максим. Я твой партнёр по принуждению. И если спальня станет полем боя - будь готов к тому, что на войне случаются потери. С обеих сторон.

Максим медленно отступил на шаг, убирая руки в карманы. Его лицо снова разгладилось, превращаясь в ту самую безупречную, ледяную маску циничного венчурного инвестора. Но в глубине его глаз я успела заметить короткую, яркую вспышку чистого, безумного торжества. Ему нравился мой ответ. Ему нравилось, что я не сломалась, а приняла вызов, оскалив зубы.

- Насилия не будет, Катя, - спокойно произнёс он, возвращаясь к своему обычному бархатистому баритону. - Ты сама придешь в мою постель. Сама, на коленях, умоляя меня о прикосновении, когда твои слова закончатся, а гордость

окончательно задохнется в этой стеклянной клетке. Я умею ждать. А теперь - подписывай.

Он указал подбородком на стол, где лежала папка.

Я медленно подошла к столу, чувствуя себя так, словно иду на эшафот. Взяла ручку Montblanc. Тяжёлый металлический корпус приятно охлаждал пальцы. Открыла последнюю страницу. Мой взгляд снова наткнулся на строчку: Сторона 2: Зайцева Катерина Игоревна.

Я занесла перо над бумагой. Мой внутренний голос кричал, умолял остановиться, твердил, что я продаю себя дьяволу за тридцать серебрянников в виде акций. Но перед глазами встал образ отца - его перекошенное инсультом лицо, его серая плеть руки на простыне.

«Ради тебя, папа», - подумала я и опустила перо.

Мой росчерк лег на бумагу быстро, хищно, ломаной линией. Катерина Зайцева. Я подписала свой приговор.

Клик. Колпачок ручки встал на место с сухим, окончательным звуком, который показался мне выстрелом, закрывающим прошлую главу моей жизни.

Максим подошел, протянул руку и забрал папку со стола. Он даже не стал проверять подпись - он знал, что я сделаю это.

- Прекрасно, - Красин едва заметно улыбнулся. - Твои вещи уже упаковывают мои люди из твоей квартиры. Сегодня в восемь вечера водитель заберёт тебя у входа в башню. Добро пожаловать в мою жизнь, Катя. Постарайся не разочаро-

вать меня на сегодняшнем вечернем совещании по авторам. У тебя осталось всего тринадцать дней, чтобы спасти своё издательство от ликвидации.

Он повернулся и вышел из кабинета, закрыв за собой стеклянную дверь.

Я осталась стоять посреди своего прозрачного вольера, глядя на то, как за окном мелкий московский дождь продолжает размывать контуры Сити. Мои ладони были холодными, сердце билось медленно и тяжело, словно внутри меня включился новый, безжалостный таймер. Триста шестьдесят пять дней. Отсчёт пошёл. И я сделаю всё, чтобы этот год стал для Максима Красина самым кошмарным и самым желанным в его жизни. Ловушка захлопнулась, но теперь мы были заперты в ней вдвоем.

Глава 6

Максим

Перо замерло над бумагой. Секунда, две, три. В абсолютной тишине её кабинета я слышал, как за панорамным стеклом бесшумно падает лифт, унося чьи-то мелкие корпоративные надежды на сорок второй этаж. Но здесь, на сорок пятом, время остановилось.

Я смотрел на её пальцы. Тонкие, бледные, без единого кольца, со скромным, почти детским маникюром. Они сжимали тяжёлый металлический корпус моего Montblanc так сильно, что костяшки побелели, превратившись в крошечные фарфоровые холмики. Ещё секунда - и этот баснословно дорогой кусок платины и смолы просто треснет под натиском её беззвучной ярости.

В её глазах, когда она наконец подняла их на меня, плескался первобытный, чистый ужас. Это был страх зверя, который внезапно осознал, что железные прутья клетки — не декорация, а реальность. Она поняла, что пути назад нет. Екатерина Воронцова, блестящий продукт оксфордской бизнес-школы, только что перестала существовать. На её руинах стояла Катерина Зайцева - дочь человека, который разрушил мою жизнь, и женщина, которая только что продала мне следующие триста шестьдесят пять дней своего существования.

Но под этим ужасом, глубже, в самых зрачках, горело

кое-что другое. Гордость. Несокрушимая, фанатичная, чисто зайцевская гордость, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Она не умоляла. Она не плакала - те две слезинки, что скатились по её щекам минуту назад, были не слабостью, а конденсатом перегретого гнева. Она просто смотрела на меня, как на палача, которому она собирается плюнуть в лицо прямо на эшафоте.

Скрип.

Звук пера, вгрызающегося в плотную текстуру бумаги цвета слоновой кости, прозвучал как выстрел. Быстрая, хищная, ломаная линия. Её настоящая фамилия легла на документ, как клеймо на свежую кожу. Катерина Зайцева.

Колпачок встал на место с сухим, окончательным кликом. Она выпрямилась, швырнула ручку на стол — та покатила по тёмному стеклу, едва не упав на ковёр, - и сделала шаг назад. Мой внутренний счётчик эндорфинов даже не пискнул. Вместо триумфа, который я выстраивал в своей голове последние десять лет, я почувствовал странную, глухую, вибрирующую пустоту. Словно я только что поймал в капкан молнию и теперь не знал, как удержать её, чтобы она не выжгла мне ладони.

- Доволен, Красин? - её голос был тихим шёлком, под которым скрывалось наточенное лезвие. - Твоё извращённое эго получило свой утренний рацион? Забирай свою бумажку и проваливай из моего кабинета. Мне нужно работать. У меня осталось всего тринадцать дней, чтобы спасти то, что

ты ещё не успел разворовать.

Я медленно подошёл к столу, протянул руку и забрал папку. Мои пальцы коснулись листа в том месте, где чернила ещё не успели полностью высохнуть. Они были тёплыми. От этого контраста - ледяного стекла папки и горячего следа её подписи - у меня по спине пробежал мороз.

- Это больше не твой кабинет, Катя, - спокойно произнёс я, пряча документ в нагрудный карман пиджака. Я намеренно вернул лицу ту самую безупречную, циничную маску, от которой моих конкурентов бросало в дрожь. - И это больше не твоё издательство. Всё, что находится в этом здании, включая твой рабочий день и твоё вечернее время, теперь координируется мной. В восемь вечера водитель будет внизу. Постарайся не опаздывать. Я не люблю ждать, а твой новый дом находится на Новом Арбате. Тебе стоит привыкать к новой логистике.

Я развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Я знал, что если останусь там ещё на минуту, мой контроль просто треснет. Её запах - этот проклятый микс мятных леденцов, чистого шёлка и адреналина - до сих пор стоял у меня в ноздрях, мешая думать.

В два часа дня полковник Бородин положил на мой стол планшет с отчётом по «объекту».

- Всё чисто, Максим Эдуардович, - хмуро доложил он, потирая шрам на подбородке. - Ребята отработали ювелирно. Квартира на Патриарших, которую она снимала через

лондонское агентство, полностью освобождена. Хозяйке выплатили неустойку за досрочное расторжение контракта - сумма зафиксирована как представительские расходы Crasin Capital. Вещи упакованы в одиннадцать коробок и два чемодана. Книги, одежда, личные документы. Ничего подозрительного не обнаружено.

- Книги? - я приподнял бровь, листая фотографии на планшете.

- Да. Много старой художественной литературы, экономические трактаты, какие-то тетради с личными записями на английском. Мои люди проверили обложки на предмет скрытых носителей - всё чисто. Она действительно приехала сюда воевать только своим умом.

Я остановился на одной из фотографий. Открытая коробка, в которой аккуратными рядами лежали книги в тканевых переплётках. Сверху покоился старый, затрёпанный томик стихов Бродского. Из него торчал уголок сухой, пожелтевшей полоски бумаги - закладка.

У меня внутри что-то болезненно сжалось. Это было слишком... по-человечески. Слишком уязвимо для той суки-менеджера, которая несколько часов назад обещала устроить мне войну на уничтожение на совете директоров. Моя покойная сестра Алина тоже любила бумажные книги. Наш дом в провинции до его конфискации был забит этими пыльными, пахнущими типографским клеем томами. Когда отец потерял бизнес из-за Игоря Зайцева, судебные приста-

вы выносили эти коробки первыми, швыряя их в кузов грузовика, как макулатуру. Алина тогда плакала, пытаясь спасти свою любимую энциклопедию по искусству, а один из приставов грубо толкнул её в плечо...

Рубец на моём сердце, мой личный келоидный шрам, снова заныл, напоминая о том, ради чего всё это было сделано. Жалость - это девиация для слабых. Я выжег её в себе вместе со слезами на кладбище десять лет назад. Катерина Зайцева - дочь своего отца. Она должна заплатить по счетам, даже если сама не держала в руках то судебное постановление, которое убило мою сестру.

- Вещи уже в пентхаусе? - спросил я, возвращая планшет Бородину.

- Да. Горничная разложила одежду в гардеробной гостевой спальни. Коробочный фонд оставили в малой гостиной, как вы и приказали. Сигнализация перенастроена. Её биометрия внесена в систему доступа пентхауса, но с ограничением на твою спальню и твой личный архив.

- Отлично. Свободен, Бородин.

Ровно в 19:58 мой чёрный Maybach замер у VIP-выхода из башни Сити. Из окна сорок пятого этажа я видел, как её тонкий силуэт в тёмно-синем пальто от Max Mara приближается к машине. Она шла ровно, не ускоряя шаг, несмотря на ледяной октябрьский дождь, который хлестал её по лицу и мгновенно превращал аккуратную укладку в мокрые, тёмные пряди. Водитель торопливо выскочил, открывая перед

ней заднюю дверь, но она проигнорировала его протянутую руку, скользнув в салон с той абсолютной, холодной автономией, которая злила и восхищала меня одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.